

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЮЛИАННА
Шиллер

18+

БОСС МАФИИ

СЫН ОТ МОЕГО *Брага*

Юлианна Шиллер Босс мафии. Сын от моего врага

<https://litres.ru/74368439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя легенда была безупречна. Моя цель — Сергей Ковалёв, безжалостный «Хозяин» столицы. Моя миссия — уничтожить его. Я была готова ко всему: к его жестокости, власти и тёмному обаянию. Но я не была готова влюбиться.

Я сбежала, чтобы спасти нашего ребёнка, но прошлое настигло меня. Теперь я его пленница, связанная контрактом мести. Он ненавидит меня за предательство, но только он может защитить нас от того, кто всё это время дёргал за ниточки. И каждый день я задаю себе один вопрос: что он сделает, когда узнает, что я скрыла от него не только правду, но и его единственного наследника?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	56
Глава 8	65
Глава 9	75
Глава 10	84
Глава 11	91
Глава 12	103
Глава 13	108
Глава 14	115
Глава 15	124
Глава 16	130
Глава 17	136
Глава 18	143
Глава 19	148
Глава 20	153
Глава 21	162
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Юлианна Шиллер

Босс мафии. Сын от моего врага

Пролог

Алина

Дверь кабинета закрывается за мной с тихим щелчком, который отдаётся в груди глухим ударом. Иду по бесконечно длинному коридору, автоматически считая шаги до лифта. Привычка из прошлой жизни — всегда знать расстояния, всегда помнить пути отступления. Двадцать три шага. Нажимаю кнопку вызова холодным пальцем.

Металлические двери расходятся почти мгновенно, словно кто-то ждал меня.

— Привет, принцесса.

Этот голос. Низкий, бархатный, с едва заметной хрипотцой. Голос, который шептал мне о любви в постели, который приказывал на деловых встречах, который в последний раз произнёс моё имя три года назад. Он ударяет по нервам, как разряд высокого напряжения, и на мгновение я забываю, как дышать.

В лифте, опираясь на зеркальную стену, стоит Сергей Ко-

валёв. Руки небрежно сложены на груди, дорогой костюм сидит идеально, но глаза... В его глазах холодный огонь, который когда-то согревал меня, а теперь обещает сжечь дотла. На губах играет та самая кривоватая улыбка — знакомая до боли, родная и одновременно чужая.

Застываю в дверях лифта. Каждая клетка моего тела кричит об опасности, каждый инстинкт, отточенный годами тренировок, требует немедленного отступления. Но деваться некуда. За спиной — офис, где я только что подписала контракт. Впереди — он.

— Заходи, — голос мягкий, почти ласковый, но в нём скрыты острые края. — Не укушу. Пока.

Последнее слово он произносит с особой интонацией, и моя кожа покрывается мурашками. Заставляю себя сделать шаг вперёд, потом ещё один. Двери захлопываются за моей спиной с финальностью приговора. Пространство лифта кажется крошечным рядом с его фигурой. Нажимаю кнопку первого этажа, старательно не глядя на него, но чувствую его взгляд на своей коже.

— Как дела, Алина? — Он произносит моё настоящее имя медленно, раздельно, словно пробует на вкус что-то горькое. — Или как тебя теперь называть?

Поворачиваюсь к нему лицом. Автоматически включается маска — лицо становится бесстрастным, плечи расправляются, подбородок приподнимается. Кира. Идеальный агент. Холодная как лёд.

— Алина Воронова, — отвечаю ровно. — Думаю, ты уже об этом знаешь.

Его глаза сужаются, изучая моё лицо. Ищут трещины в маске, слабые места. Сейчас я — загадка для него. И это пугает больше, чем его гнев.

— Знаю, — он отталкивается от стены, делает шаг ближе. В замкнутом пространстве лифта он кажется ещё крупнее, ещё более доминирующим. От него по-прежнему пахнет тем же одеколоном — дорогим, мужественным ароматом, который врезался в мою память. — Вопрос в том, знаешь ли ты?

В его словах скрыта угроза, которую я пока не понимаю. Но инстинкт, отточенный годами опасной работы, подсказывает: это ловушка. Он что-то знает. Что-то такое, чего не должен знать.

— Я могу уволиться прямо сейчас, — говорю с наигранным спокойствием. — Если моё присутствие доставляет тебе дискомфорт.

Сергей смеётся, и этот звук заставляет меня вздрогнуть. Низкий, тёмный смех, в котором нет ни капли веселья. Только холодное торжество.

— Уволиться? — Он наклоняется ко мне, и я чувствую тепло его тела, слышу его дыхание. — А куда побежишь, принцесса? В другую компанию? В другой город?

Молчу, жду подвоха. В его голосе появляется что-то хищное, голодное.

— Прости, кажется, я забыл представиться? — Голос ста-

новится мягче, почти игривым, но глаза остаются ледяными. — Сергей Ковалёв. Владелец и генеральный директор компании «Аврора Девелопмент».

Мир качается под ногами. Нет плана отступления. Нет запасного выхода. Есть только он, мужчина, которого я когда-то предала, и металлическая коробка лифта, из которой некуда бежать.

Успокойся. Дыши. Ты обучена для таких ситуаций.

Позвоночник выпрямляется автоматически, плечи опускаются, лицо становится абсолютно безэмоциональной маской. Той самой маской, за которой я пряталась годами в самых опасных ситуациях. Но тело меня предаёт — пот прошибает спину, ладони становятся влажными, сердце бьётся так громко, что кажется, его слышно во всём здании.

Он всё это видит. Читает каждый мой микросигнал, каждое предательское движение. И наслаждается моим шоком.

— Сюрприз, — шепчет он, смакуя каждую букву, наслаждаясь моим потрясением.

Его рука медленно поднимается и почти касается моей щеки. Почти, но не совсем — между его пальцами и моей кожей остаётся миллиметр, который кажется бездной. Я не отступаю, хотя каждый нерв в моём теле кричит: беги, прячься, исчезни.

— Скучала, принцесса?

В его глазах я читаю множество слов, которые он не произносит вслух: *я знаю тебя лучше, чем ты знаешь себя. Ты*

принадлежишь мне. Ты никогда не сможешь от меня убежать.

— Ты попала, Алина. — Он произносит моё имя так, будто это проклятие, приговор. — Попала намертво.

Отступаю к противоположной стене лифта, металл холодный под моей спиной. Пытаюсь создать хоть какое-то расстояние между нами, но это бесполезно. В этом маленьком пространстве ему принадлежит всё — каждый сантиметр, каждый вздох.

— Чего ты хочешь? — Мой голос звучит гораздо спокойнее, чем я себя чувствую. Годы тренировок не прошли даром.

Когда-то он умел заставлять забыть обо всём на свете. Сейчас между нами стена из лжи, предательства и трёх лет разлуки.

— Справедливости, — в его взгляде загорается что-то первобытное, опасное. — Ты мне должна, принцесса. И я намерен взыскать долг. С процентами.

Мои пальцы сжимаются в кулаки за спиной. Ногти впиваются в ладони, причиняя острую боль, которая помогает сосредоточиться.

— Условия простые, — продолжает он, и в его голосе появляется деловая нотка. — Два года. Мой личный секретарь. График с семи утра до семи вечера. Никаких отгулов, больничных или отпусков без моего личного разрешения. Кстати, договор с односторонним правом расторжения ты уже

подписала наверху.

Лифт останавливается на первом этаже с мягким звоном. Двери начинают открываться, но он не двигается с места. Его широкие плечи блокируют выход, превращая лифт в клетку.

— Это рабство, — выдыхаю я.

— Это справедливость, — он делает ещё один шаг ближе. Теперь между нами всего несколько сантиметров. Я чувствую тепло его тела, запах знакомого одеколona. — Ты играла со мной, **Кира**. Теперь моя очередь играть.

Он произносит это имя — Кира — как пощёчину. Как напоминание о том, кем я была, какую роль играла в его жизни. И боль от этого слова острее любого ножа.

Смотрю ему прямо в глаза. Читаю там холодную решимость, неумолимость приговора. Он не блефует. Он будет держать меня здесь два года, медленно мстя за то, что я сделала с его сердцем.

— Ладно, — говорю тихо.

Его правая бровь удивлённо приподнимается. Он явно ожидал борьбы, слёз, уговоров, попыток сбежать. А я просто сдаюсь. Вот так. Без единого выстрела.

Повисает пауза. Тишина давит на барабанные перепонки. Где-то далеко слышен гул города, но здесь, в этой металлической коробке, есть только мы двое и груз нашего прошлого.

— Что изменилось? — Он медленно склоняет голову набок, как хищная птица, изучающая добычу. — Раньше ты

дралась до последнего. Кусалась. Царапалась. Никогда не сдавалась без боя. А сейчас... — Его взгляд медленно скользит по моему лицу, пытаюсь найти ответ. — Сейчас ты сложила оружие, даже не начав сражаться.

В его голосе слышится недоумение. И подозрение. Он знает меня достаточно хорошо, чтобы понимать — такая покорность мне не свойственна. Это не укладывается в его картину мира, ломает сценарий мести, который он выстраивал три долгих года.

— Раньше у меня был выбор, — отвечаю просто.

Полуправда. Самая лучшая ложь — та, что наполовину состоит из правды.

Димка. Мой мальчик. Мой маленький мальчик.

В памяти всплывает картинка: пухлые ручки тянутся ко мне с детской кровати, сонный голосок шепчет: «Мама, почитаешь сказку?» Запах детского шампуня в его тёмных волосах, когда я целую его на ночь. Его смех, когда мы играем в прятки. Его слёзы, когда он разбивает коленку...

Мой сын. Наш сын. О существовании которого Сергей не должен узнать никогда.

Смотрю на его лицо и больше не вижу врага. Вижу отца моего ребёнка. Вижу мужчину, которого когда-то любила так сильно, что готова была умереть за него. Вижу того, кто подарил мне самое дорогое в жизни, даже не зная об этом.

— Завтра в семь утра, — его голос становится официальным, но в глазах всё ещё пляшут опасные огоньки. — Не

опаздывай, Алина. И добро пожаловать в ад.

Он отступает, наконец освобождая выход. Я выхожу из лифта на ватных ногах, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Не оборачиваюсь, хотя знаю, что он всё ещё стоит там. Чувствую его взгляд между лопаток — тяжёлый, жгучий, полный нерешённых вопросов и старых обид.

Только когда стеклянные двери здания закрываются за моей спиной, я позволяю себе выдохнуть.

Глава 1

Алина

Тремя годами ранее

Неоновые огни ночного клуба пульсируют в ритм музыки, окрашивая лица танцующих в розовые и синие всполохи. Третий мохито уже согревает кровь, и я позволяю себе расслабиться — настолько, насколько это вообще возможно для меня. Юля смеется так заразительно, что даже серьёзные мужчины в дорогих костюмах у барной стойки оборачиваются с улыбками. Сегодня её вечер, последний девичник перед свадьбой, и я искренне пытаюсь быть просто подругой, а не тем, кем являюсь на самом деле.

— За нашу невесту! — выкрикивает Катя, поднимая бокал с шампанским так высоко, что шипучие пузырьки почти выплескиваются на пол.

Мы дружно чокаемся, и звон хрустальных бокалов смешивается с басами музыки. Юля обнимает меня одной рукой, прижимая к себе так крепко, что на секунду мне становится неловко от такой близости. Я не привыкла к объятиям. В моей жизни прикосновения — это либо боевые приёмы, либо профессиональная необходимость.

— Кира, ну серьёзно, тебе пора уже расслабиться по-настоящему! — Юля немного пьяна, её глаза блестят. — Когда ты в последний раз была с мужчиной? И не говори про

работу!

Остальные девочки хихикают и придвигаются ближе, словно ожидая откровений. Марина обладает талантом выуживать чужие секреты, Света обожает сплетни, а Катя просто любит, когда кто-то краснеет от смущения. Знакомое чувство неловкости поднимается изнутри, но я уже давно научилась его контролировать.

— Я же расслаблена, — отвечаю с лёгкой улыбкой, делая небольшой глоток мохито. Мята холодит губы. — Просто не все любят рассказывать интимные подробности на весь клуб.

— Да брось! — Марина придвигается ещё ближе, её духи — что-то цветочное и навязчивое — смешиваются с запахом алкоголя. — Ты красивая, умная, работаешь в престижной фирме, зарабатываешь хорошие деньги. Что тебе мешает найти нормального мужика?

«Престижная фирма». Если бы они знали, что моя «офисная работа» — это отработка навыков слежки и взлома. Что вместо корпоративных вечеринок у меня тренировки по рукопашному бою. Что мой «офис» — это стрельбище в подвале особняка в Подмосковье, где я могу разобрать и собрать пистолет с закрытыми глазами.

— Может, у неё слишком высокие стандарты? — предполагает Света, накручивая на палец прядь крашенных волос. — Ты же не из тех, кто согласится на первого встречного.

— Или она тайно встречается с женатым боссом, — добавляет Катя со смешком, и все снова заливаются смехом.

Пожимаю плечами, стараясь выглядеть беззаботно. Привычная роль — девушка, которая просто ещё не встретила подходящего мужчину. Гораздо проще поддерживать эту легенду, чем объяснять, что у меня нет времени на свидания и романтику, потому что большую часть жизни я провожу, изучая, как шпионить за людьми.

Телефон на столе внезапно вибрирует. В грохоте музыки и смехе обычная вибрация была бы неслышна, но эта особенная — длинная, короткая, длинная. Азбука Морзе. Код, который вбит в мою память с детства и означает только одно: немедленно.

Кровь мгновенно стынет в жилах, несмотря на алкоголь в крови.

— Извините, девочки, — говорю, хватая телефон. Рука дрожит почти незаметно, но я чувствую эту дрожь. — Семья звонит.

Юля тут же хватается меня за запястье. Её пальцы тёплые и немного липкие от пролитого шампанского.

— Кир, только не говори, что тебе нужно уехать! Ты же обещала остаться до свадьбы! Мы ещё хотели в караоке сходить!

— Сначала посмотрю, что случилось, — отвечаю, осторожно высвобождая руку.

Пробираюсь через толпу танцующих к туалету. Тела прижимаются ко мне, кто-то нечаянно толкает локтем, но я автоматически уворачиваюсь. Захожу в кабинку, запираю дверь,

прислоняюсь спиной к холодной стене. Принимаю вызов.

— Да.

— Дом. Сорок пять минут. — Голос отца звучит как всегда — без эмоций, без объяснений, без права на возражения.

Линия обрывается, оставляя только короткие гудки.

Сорок пять минут до Подмосковья. Это значит — выезжать прямо сейчас, бросить всё и ехать. Это значит, что произошло что-то серьёзное. Геннадий Воронов не вызывает среди ночи просто для проверки или планёрки.

Возвращаюсь к столику. Девочки смотрят на меня с надеждой, но я уже знаю, что разочарую их.

— Мне нужно ехать, — говорю, хватая сумку и куртку со спинки стула. — Извини, Юль. Семейная экстренная ситуация.

— Серьёзно?! — Лицо Юли вытягивается, и в её глазах появляется обида. — Лин, а как же моя свадьба? Мы же планировали...

— Я знаю. Мне очень жаль.

Быстро целую её в щёку — она пахнет знакомыми духами и счастьем — и почти бегу к выходу, не оборачиваясь. Знаю, что они смотрят мне в спину и начинают перешёптываться. Знаю, что Юля расстроена и, возможно, обижена. Но у меня нет выбора.

У меня никогда не было выбора.

Ночная Москва проплывает за окнами такси размытыми огнями. Дорога до дома занимает ровно сорок две минуты

— я знаю каждый поворот, каждый светофор. Машина послушно ныряет в знакомые повороты Рублёвки, фары выхватывают из темноты дорогие особняки, скрытые за высокими заборами. Охрана на въезде в посёлок молча поднимает шлагбаум — мои документы внесены в базу навсегда.

Особняк встречает привычной тишиной. Прохожу через мраморную прихожую к кабинету отца. Мои каблукы цокают по полу, эхо отражается от высоких потолков. Дверь в кабинет приоткрыта, из щели пробивается жёлтый свет настольной лампы.

Стучу дважды и вхожу, не дожидаясь ответа.

Геннадий Воронов сидит за массивным дубовым столом, изучая разложенные перед ним фотографии и документы. На мне он не смотрит — знает, что я приехала вовремя. Я всегда приезжаю вовремя. Это одно из первых правил, которые он мне привил.

— Садись, Кира.

Сейчас начнётся рабочий разговор, и моя обычная жизнь остаётся за порогом этого кабинета.

Опускаюсь в кожаное кресло напротив стола. Жду, сложив руки на коленях. Ещё одно правило — никогда не торопить отца с объяснениями.

Он откладывает документ и наконец поднимает на меня взгляд. Его глаза за стёклами очков холодные, изучающие, словно он видит меня насквозь.

— У нас новое задание. Самое важное за всю твою карье-

ру.

Протягивает мне толстую папку. Беру, открываю. Первое, что вижу — фотография мужчины, и моё дыхание на секунду замирает.

Он красивый. Не просто привлекательный — именно красивый той суровой, мужественной красотой, которая заставляет оборачиваться женщин на улице. Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем тёмном костюме. Волосы почти чёрные, возможно, с ранней сединой на висках. Но главное — глаза. Пронзительные, умные, с той особой твёрдостью, которая говорит о привычке командовать и быть безоговорочно услышанным.

И в то же время в его красоте есть что-то хищное, опасное. Это не офисный работник и не простой бизнесмен. Это мужчина, который знает, что такое власть, и не боится её использовать.

— Сергей Геннадьевич Ковалёв, — продолжает отец, наблюдая за моей реакцией. — Сорок два года. Контролирует значительную часть московского бизнеса, включая теневые сферы. Умён, осторожен, беспощаден. Его люди называют его просто «хозяин».

Листаю дальше. Схемы организации, финансовые отчёты, фотографии роскошной недвижимости. Пентхаус в Москва-Сити, загородное поместье, ночной клуб в центре города. Масштабы впечатляют даже меня.

— Что он сделал? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос

звучал профессионально.

— Торговля оружием. Крупные поставки, международные связи. — Отец снимает очки, медленно протирает стёкла. Этот жест всегда означает, что речь идёт о чём-то серьёзном.

Понимаю без дополнительных объяснений. Мы сотрудничаем с государственными структурами. Косвенно, через длинную цепочку посредников, но сотрудничаем. Отец никогда не говорил об этом прямо, но я не дура. Некоторые наши «цели» слишком уж совпадают с интересами определённых ведомств.

— Какова задача?

— Подобраться к нему. Завоевать доверие. Стать достаточно близкой, чтобы получить доступ к документам, связям, планам. — Пауза. — Собрать компромат, достаточный для того, чтобы либо взять его под контроль, либо убрать с доски окончательно.

Снова смотрю на фотографию. Этот мужчина определённо не из тех, кого легко обмануть. Не выглядит как тот, кто позволит случайной незнакомке подобраться к себе достаточно близко для получения секретной информации. В его глазах слишком много ума и подозрительности.

— Он очень опасен, — говорю вслух.

— Именно поэтому это задание получила ты. — Отец надевает очки обратно. — Ты моя лучшая ученица, Кира. Если справишься с Ковалёвым...

Он не договаривает, но я понимаю. Последняя миссия. Возможность на собственную жизнь, на выбор, на свободу от этого мира. Слова висят в воздухе между нами, наполненные обещанием и угрозой одновременно.

Беру папку, встаю с кресла. Документы тяжёлые в руках — весь груз новой жизни, которую мне предстоит создать.

— Кира.

Оборачиваюсь у самой двери.

— Не подведи меня.

— Я никогда вас не подводила.

Выхожу из кабинета, унося с собой фотографию мужчины, который может стать либо моим последним заданием, либо последней ошибкой в жизни. Что-то внутри меня — какая-то неназванная интуиция — подсказывает, что Сергей Ковалёв изменит всё. Но пока я не знаю, к лучшему это будет или к худшему.

Глава 2

Алина

Щелчок замка за спиной звучит оглушительно громко, отсекая меня от мира моего создателя. От мира Воронова. Папка в руках кажется неподъемной, каждый лист в ней пропитан чужой болью и властью. Я иду по гулким коридорам особняка, и мраморный пол холодит ступни даже сквозь тонкую подошву туфель. Этот дом никогда не был моим. Это его штаб. Его крепость. Моя персональная казарма, где меня вылепили, словно из глины, и вдохнули единственную цель. Миссия.

Бросаю папку на пассажирское сиденье своего старенького Audi. Фотография объекта падает наверх. Сергей Ковалёв. Пронзительные, до жути умные глаза смотрят прямо в душу даже с глянцевой фотобумаги. Взгляд, который не спрашивает. Он берет. Властный, жестокий, не знающий отказа. Босс. Одно это слово в досье, написанное с большой буквы, говорит о нем больше, чем все отчеты аналитиков. Рёв мотора разрывает бархатную тишину Рублёвки, и я вжимаю педаль в пол.

Нужно к Нике. Только она способна заземлить меня после визитов к отцу.

Ее квартира в обычном панельном доме на окраине Моск-

вы — портал в другую вселенную. Здесь пахнет свежесваренным кофе, озоном от работающей техники и чем-то неуловимо-уютным, принадлежащим только ей. Ника открывает дверь сама, и я невольно улыбаюсь. Короткие, торчащие во все стороны волосы ядовито-розового цвета, пирсинг в брови, растянутая футболка с надписью «Follow the white rabbit». Она — мой единственный островок нормальности в этом мире шпионских игр.

— Вид у тебя, будто ты только что ужинала с Волан-де-Мортом, — заявляет она вместо приветствия, пропуская меня внутрь. Ее цепкий взгляд сканирует меня с ног до головы.

— Почти, — выдыхаю я, проходя в ее святая святых. Комната, заставленная мониторами, светится неземным голубым светом. По полу змеятся клубки проводов, а на столе, рядом с разобранным до винтиков ноутбуком, стоит огромная кружка с наглой надписью «Bite me».

Ника с грохотом плюхается в свое геймерское кресло, которое протестующе скрипит под ней.

— Ну, не томи. Папаша снова решил, что миру не хватает справедливости в его эксклюзивном исполнении? Что на этот раз? Нелегальные парковки?

Молча кладу папку ей на стол. Она сдувает с черной обложки несуществующую пылинку и открывает ее. Пальцы с облупившимся черным лаком быстро, почти небрежно, перелистывают страницы. Лицо Ники сохраняет привычное цинично-спокойное выражение, пока она читает про рейдер-

ские захваты, контрабанду оружия и финансовые махинации.

— Стандартный набор джентльмена с большой дороги, — комментирует она, не отрываясь от чтения. — Удивлена, что он еще не баллотируется в депутаты. Хотя, может, уже.

Но потом она доходит до последнего раздела. Документы под грифом «Особо важно». Ее брови, лишённые растительности и подведенные черным карандашом, сходятся у переносицы. Губы сжимаются в тонкую, злую линию.

— Торговля детьми... — произносит она так тихо, что я едва разбираю слова. В ее голосе звенят ледяные нотки. — Вот за это их вешать надо. Медленно. На центральной площади.

Она резко поднимает на меня взгляд. В нем больше нет ни капли иронии. Только холодная, концентрированная ярость. Такая же, как у меня.

— Это он? Наша цель?

Молча киваю. Снова беру из папки фотографию Ковалёва. Что-то на полях досье, какая-то мелкая приписка, сделанная рукой аналитика, цепляет взгляд. Ссылка на старую газетную вырезку. Нахожу ее среди бумаг. Желтая, потрепанная страница. Заголовок кричит: «Трагедия на Рублёвском шоссе: известный бизнесмен и его жена погибли в подстроенной автокатастрофе». На мутном фото высокий, нескладный ребёнок с до боли знакомыми глазами стоит у двух закрытых гробов. Один. Совсем один против всего мира. Ря-

дом пометка психолога, прикрепленная скрепкой: «...потеря обоих родителей на фоне криминальной войны за наследство отца привела к формированию защитной агрессии, тотального недоверия к окружающему миру и стремлению к абсолютному контролю...».

Внутри что-то неприятно колет. Секундная, неуместная вспышка. Похожая на... жалость? Или узнавание? Я тоже сирота. Тоже одна.

Тут же гашу это чувство с волной раздражения на саму себя. Какая чушь. Жалость к цели — профессиональное самоубийство. Отец стер бы меня в порошок за такие мысли. Ковалёв не жертва. Он хищник, выросший из раненого волчонка. И моя задача — загнать его в клетку. Или уничтожить.

— Проблема в том, что к нему не подобраться, — говорю я, возвращая документы в папку. Голос звучит ровно, профессионально. Маска снова на месте. — Он не ходит на светские рауты, не дает интервью, не светится в прессе. Его видят только свои.

— Свои, значит, — Ника уже стучит по клавиатуре, ее пальцы летают с нечеловеческой скоростью. На мониторах сменяют друг друга окна с кодом, карты, схемы городских коммуникаций, базы данных. — У каждого есть привычки. Места, где он ослабляет бдительность. Дай мне десять минут. И кофе.

Эти десять минут я пью на ее крошечной кухне остывший, горький кофе прямо из турки. Он такой же горький, как и

привкус этого задания на языке. Ника, как всегда, не подводит.

— Есть! — кричит она из комнаты. — Мой крысеныш из банковской сферы слил данные по транзакциям его личной карты. Наш «хозяин» сегодня ужинает в одном очень интересном месте. Клуб «Эгоист». Закрытое заведение для своих. Попасть можно только по личной рекомендации члена клуба или с помощью специальной карты из чистого титана.

Она разворачивается ко мне в кресле. В ее глазах пляшут азартные, хищные огоньки.

— Угадай, у кого есть такая карта, взломанная и перепрошитая на мое имя?

Я смотрю на часы. Времени в обрез.

— Поехали.

Глава 3

Алина

Клуб «Эгоист» встречает нас не музыкой, а физическим ударом. Плотная, непроницаемая стена баса бьет прямо в солнечное сплетение, заставляя сердце сбиться с ритма и подстроиться под этот первобытный, тягучий пульс. Фасад из угольно-черного стекла и холодного хрома не приглашает, а бросает вызов.

Вход в преисподнюю для тех, кто давно продал душу и теперь скупает чужие. У дверей застыли двое. Их нельзя назвать охранниками. Это скорее человекоподобные скалы, высеченные из цельного куска презрения к простым смертным. Они не смотрят, они сканируют, и под их взглядами, кажется, замерзает даже воздух.

Ника, мой островок ядовито-розовой нормальности в этом мире фальшивого глянца, даже не моргнув, протягивает одному из истуканов тонкую титановую пластину. Никакого пафоса, никаких логотипов. Только вес и холод металла.

Гора мышц безэмоционально проводит картой по скрытому в стене терминалу. Секунда ожидания звенит в ушах громче музыки. Почти невидимая зеленая точка вспыхивает на панели. Скала молча отступает в сторону, открывая нам пасть левиафана.

Шаг внутрь, и я тону. Воздух здесь густой, тяжелый, его можно пить, как дорогой ликер. Он пропитан сложным коктейлем из запахов: натуральная кожа диванов, сладковатый дым элитных сигар, десятки видов селективного парфюма и что-то еще, едва уловимое.

Металлический, солоноватый привкус власти. Приглушенный свет вязнет в бордовом бархате штор, тонет в полированных до зеркального блеска деревянных панелях. Музыка здесь не орет, она именно пульсирует, проникая под кожу, заставляя тело двигаться в своем гипнотическом, ленивом и полном обещаний ритме.

Это не клуб. Это охотничьи угодья. Место, где хищники вершат судьбы, а жертвы сами прыгают в пасть, ослепленные блеском клыков.

Мой взгляд, отточенный годами тренировок, автоматически делит пространство на сектора. Длинная барная стойка, за которой бесшумно скользят бармены в белоснежных рубашках. Пульсирующий центр танцпола, где тела сплетаются в откровенном танце. Глубокие ниши с диванами, где густые тени надежно скрывают лица, секреты и сделки на миллионы.

И вот оно. То, за чем я здесь. На втором уровне, словно в аквариуме для самых опасных морских гадов, за пуленепробиваемыми панорамными стенами расположилась VIP-зона.

Там, в массивном кожаном кресле, спиной к залу, застыл мужской силуэт. Широкие плечи, идеальная посадка дорого-

го пиджака, властная неподвижность. Он не двигается. Ему и не нужно. Вся энергия этого места, все взгляды, все желания и страхи невидимыми нитями стягиваются к нему.

Ковалёв. Моя цель. Мой билет в новую жизнь или на тот свет.

Ника, стоящая рядом, ловит мой взгляд и едва заметно, уголком губ, улыбается. Кивает в сторону бара.

— Я буду твоими глазами и ушами. Не облажайся.

Она растворяется в толпе так же легко, как капля яда в бокале вина. Я остаюсь одна.

План рождается мгновенно. Резкий, как удар ножа. Рискованный, как прыжок с обрыва.

Единственно верный. Чтобы привлечь внимание короля, нужно устроить кровавый переполох у самого подножия его трона. Мне нужен катализатор.

Расходный материал. Пешка, которую не жалко сбросить с доски.

Глаза выхватывают из пестрой, двигающейся массы идеальный объект. Молодой парень, от которого за версту несет самодовольством и отцовскими деньгами. Модный рэпер или просто очередной мажор, не имеет значения. На нем шмоток на годовую зарплату небольшого города, а на холодном лице застыло выражение ленивого презрения ко всему, что движется. Он окружен свитой из таких же золотых мальчиков и хищных девиц, но взгляд у него откровенно скучающий. Он жаждет зрелищ. Что ж, я ему их устрою.

Начинаю движение к нему. Не иду, а скольжу сквозь толпу, позволяя музыке вести мое тело. Каждый шаг, каждый поворот бедер, как выверенное движение. Встаю рядом, достаточно близко, чтобы он не мог меня не заметить, но не нарушая его личного пространства.

— Хочешь заработать так, чтобы твои дружки обзавидовались? — мой голос, низкий и с легкой хрипотцой, тонет в музыке, заставляя его наклониться ко мне. Ближе.

Он медленно, оценивающе, почти оскорбительно, оглядывает меня с ног до головы. Проходится по ногам, задерживается на груди, заглядывает в глаза. В его взгляде загорается пошлый, сальный интерес.

— Смотря что нужно делать, куколка.

Наклоняюсь к самому его уху, чувствуя запах дорогого виски и дешевого высокомерия. И называю сумму. Сумму с пятью нулями. Его лениво-презрительная гримаса на мгновение сползает с лица, обнажая удивление. Брови ползут на лоб.

— За что?

— Все просто, — шепчу, позволяя губам почти коснуться его уха. — Ты подойдешь ко мне, когда я буду танцевать. Мы танцуем, очень страстно. А потом ты начинаешь вести себя как конченный мудака. Хватаешь меня, пытаешься силой увести. Очень грубо. Я буду сопротивляться, кричать. Чем убедительнее ты сыграешь ревнивого ублюдка, тем больше будет твой гонорар. Понял?

Он смотрит на меня как на городскую сумасшедшую. Потом переводит взгляд на своих друзей, которые с любопытством наблюдают за нами. Потом снова на меня. В его пустых, пресыщенных глазах мелькает азарт. Легкие деньги и возможность безнаказанно унижить женщину, которая посмела сама к нему подойти.

Идеальный психотип. Мерзавец до мозга костей.

— Идет, — криво ухмыляется он, уже предвкушая шоу.

Отхожу, не оглядываясь. Но каждой клеткой кожи чувствую его взгляд на своей спине. Липкий, неприятный, разрывающий.

Идеально.

Выхожу в самый центр танцпола, под равнодушные взгляды стеклянного аквариума наверху. Я знаю, что он смотрит. Не на меня, нет. Он смотрит на свои владения. А я сейчас стану частью этих владений.

Музыка меняет ритм, становится более вязкой, откровенной, как прелюдия. Закрываю глаза на секунду, отключая аналитика и выпуская наружу ту, которую так долго держала на цепи. Движения рождаются сами собой. Плавные, текучие, соблазнительные, обещающие все и не гарантирующие ничего. Приманка для одного хищника и ловушка для другого.

Он подходит сзади. Слишком быстро, нарушая негласные правила этой игры. Его руки ложатся мне на талию. Слишком властно, без приглашения. Я чувствую его горячее дыха-

ние на своей шее, запах алкоголя и дешевого тщеславия. Мы начинаем двигаться вместе. Я веду, он следует. Пока следует.

Но потом его потные ладони скользят ниже, на мои бедра, и сжимают их. Слишком нагло. Слишком грубо. Он сжимает мои ягодицы, сминая тонкую ткань платья, полностью нарушая наш сценарий. Это же не по правилам. Внутри вспыхивает и гаснет ледяная, острая ярость.

Резко, на грани фола, разворачиваюсь в его руках, встречаясь с ним лицом к лицу. Мои пальцы впиваются в его плечо, ногти давят на болевую точку у ключицы. Сигнал. Предупреждение.

— Продолжай игру, — шиплю ему в самое ухо, но на губах моих играет улыбка, которая со стороны должна выглядеть как часть страстного флирта.

Он не понимает. Или не хочет понимать. Ухмылка на его лице становится кривой, злой. Он видит только то, что хочет видеть. Доступную девушку, которую можно взять силой, потому что он так решил.

Дергает меня на себя с такой силой, что я едва удерживаюсь на ногах. Его хватка становится железной. Постановка закончилась. Началась реальность, которую я сама спровоцировала. Пытаюсь вырваться, уже не играя, а по-настоящему. Его пальцы впиваются в мою руку, как тиски. Будут синяки.

— Я же заплатила тебе! — рычу, и в голосе звенят настоящие, несыгранные нотки подступающей паники.

— Заплатишь еще! — бросает он мне в лицо, таща меня с танцпола к темным нишам.

Спотыкаюсь о собственные ноги, царапаю его лицо, оставляя на холеной щеке четыре красные полосы. Крик вырывается из горла сам собой. Настоящий, полный отчаяния и ярости.

Вокруг нас мгновенно образуется пустота. Музыка, кажется, глохнет. Десятки любопытных глаз устремляются на нас. Охрана уже движется в нашу сторону, разрезая толпу.

И тут время замирает.

— Отпусти ее.

Голос. Холодный, как лезвие гильотины. Абсолютно спокойный и оттого оглушающий. Он не громкий, но он перекрывает шум, музыку, чужие крики.

Голос, который не просит и не предлагает. Он приказывает. Голос, привыкший, что ему подчиняются беспрекословно.

Мой мучитель застывает, как будто врезался в невидимую стену. Его хватка на моей руке ослабевает. Медленно, очень медленно оборачиваюсь, и сердце пропускает удар.

Он стоит в двух шагах от меня. Сергей Ковалёв. Живой, а не на фото. Взгляд его пронзительных, нечеловечески голубых глаз ощущается как мушка прицела на коже. Он смотрит не на меня. Он смотрит на ублюдка, который все еще держит мою руку. И в этом взгляде столько холодного, спокойного обещания смерти, что ублюдок разжимает пальцы,

словно его ударило током.

План сработал. Вот только я не была готова к тому, что эпицентр этого шторма окажется таким реальным и таким опасным.

Глава 4

Сергей

Откидываюсь на спинку массивного кресла, и протестующий скрип дорогой кожи тонет в гуле голосов. Партнеры. Снова партнеры. Их слова, как надоедливые мухи, выются вокруг цифр на экране планшета, который держит Руслан.

Цифры хорошие. Скучные. Всё до тошноты правильно, предсказуемо и пресно.

Моя империя отлажена до скрипа, она работает без меня, и этот безупречный механизм иногда навевает смертную тоску. Тоску хищника, запертого в золотой клетке.

Руслан замолкает на полуслове, заметив, что я его больше не слушаю. Он прослеживает мой взгляд и едва заметно хмурится. Его молчаливое «не ввязывайся, Серёга» я ощущаю почти физически.

Но уже слишком поздно.

Я заметил её не глазами. Я её почувствовал. Как падение давления перед грозой. Там, внизу, в бурлящем человеческом котле, она была эпицентром аномалии.

Женщина в красном. Платье цвета свежей артериальной крови облегалo тело, созданное для греха и войны. Она двигалась одна, и в этом не было вызова. В этом была констатация факта. Она не танцевала для кого-то, а просто существовала в этом ритме, и каждое движение её бедер, каждый

изгиб спины, каждый поворот головы был заявлением о силе, о которой окружающие даже не подозревали. Она была произведением искусства и смертельным оружием одновременно.

И я забыл, как дышать.

Внутри что-то, давно уснувшее, лениво потянулось и открыло один глаз. Интерес.

А потом появился он. Щенок. Из тех, что рождаются с золотой соской во рту и считают, что мир — это их личный супермаркет. Он решил, что она — товар с полки, который можно взять. Его руки, потные и наглые, легли ей на талию.

Мои пальцы сами собой сжались в кулак. Ногти до боли впились в ладонь. Раздражение. Холодное, острое, как заточка, вонзилось под ребра. Это было неправильно. Не потому, что он посмел тронуть женщину. А потому, что он посмел тронуть *эту* женщину. В *моём* доме.

Она пытается его оттолкнуть. Грациозно, почти играючи. Он не понимает. Такие одноклеточные не способны считать намёки. Его хватка становится грубее. Он хватает её за руку. Он тащит её.

И в этот момент внутри меня с оглушительным треском рвётся тонкая нить цивилизованности. В моём клубе. На моих глазах. Какое-то ничтожество смеет применять силу.

Встаю. Разговор за столом мгновенно умирает. Я не смотрю на оцепеневших партнеров. Не замечаю предостерегающего взгляда Руслана. Я вижу только алое пятно её платья и

ублюдка, который только что подписал себе приговор.

Спускаюсь по лестнице, и толпа расступается передо мной, как воды Красного моря. Они не видят меня, они чувствуют. Запах власти всегда перебивает запах денег и похоти.

— Отпусти её.

Мой голос не нужно повышать. Он тонет в музыке, но его слышат все. В нём нет злости. Только вес окончательного, не подлежащего обжалованию решения.

Щенок застывает, словно его ударили. Его лицо, секунду назад искаженное самодовольной злобой, становится белым, как полотно. Он медленно поворачивается, и его жалкий, бегущий взгляд встречается с моим. И в нём плещется первобытный ужас.

Он всё понял. Его пальцы разжимаются сами собой, словно их свело судорогой.

Двое моих людей бесшумно вырастают из теней по обе стороны от него. Они не ждут приказа. Они знают мой взгляд. Один подхватывает обмякшего ублюдка под локоть. Второй просто стоит рядом, и одного его присутствия достаточно, чтобы парализовать волю.

Делаю едва заметный кивок в сторону служебного выхода. Они всё поняли. Утром у папы этого мальчика начнутся очень большие, очень дорогие проблемы. А сам он надолго забудет дорогу в любое заведение, где есть алкоголь и женщины.

Когда его уводят, на танцполе воцаряется звенящая тиши-

на. Музыка продолжает пульсировать в мёртвом пространстве, но никто не танцует. Десятки глаз смотрят на меня. И на неё.

Медленно поворачиваюсь. Она стоит посреди этой внезапной пустоты, и на её лице нет ни страха, ни благодарности, ни облегчения.

Ничего. Только напряжённое, сфокусированное ожидание. Она смотрит прямо на меня. Не моргая.

Изучает. Оценивает. Словно это она здесь хозяйка положения, а я — всего лишь любопытная деталь интерьера.

Подхожу ближе. Останавливаюсь в шаге от неё. Воздух между нами потрескивает от статического электричества.

Вдыхаю её запах. Что-то терпкое, как дикие ягоды, и сладкое, как яд. Запах, который хочется запомнить.

— Прошу прощения за этот инцидент, — мой голос звучит ровно, почти безразлично. — В моём заведении подобное недопустимо.

Она молчит. Просто смотрит на меня своими огромными, невозможными глазами. Их цвет... не голубой. Цвет грозового неба над морем. В их глубине плещется что-то тёмное, опасное и до дрожи знакомое.

— Я владелец этого клуба. Сергей Ковалёв. — Протягиваю руку.

Она смотрит на мою руку, потом снова мне в глаза. Секундная пауза растягивается в вечность.

Я привык, что люди отводят взгляд. Боятся. Лебезят. Она

не делает ничего из этого. Она выдерживает мой взгляд, и я впервые за много лет чувствую, что смотрят не на мои деньги и не на мою власть. Смотрят на меня.

— Кира, — наконец произносит она, и её голос, низкий, с лёгкой хрипотцой, вибрирует где-то у меня в груди.

Она так и не касается моей руки.

Просто называет своё имя, но в этом звучит вызов. Она не жертва. Игрок. И в этот самый момент я с абсолютной ясностью понимаю.

Чёрт возьми, я, кажется, дождался.

Глава 5

Сергей

Она всё ещё не касается моей руки. Зависает в воздухе, словно понимает, что одно прикосновение, и что-то изменится навсегда. Медленно опускаю ладонь, чувствуя, как холодеет кожа от потери её тепла.

— Прошу со мной.

Поворачиваюсь к бару, не проверяя, следует ли она. В отражении чёрного мрамора вижу, как она на секунду замирает, потом делает шаг. Её каблуки цокают по полированному полу со звуком, который врзается в память.

Барная стойка из чёрного мрамора с прожилками цвета крови. В свете софитов поверхность кажется живой, пульсирующей. Показываю жестом на высокие стулья, и когда она садится, красное платье задирается, открывая изгиб бедра.

Сглатываю. Отвожу взгляд.

— Что будете пить?

— Мартини. Сухой. С оливкой.

Без паузы, без кокетства. Она знает, чего хочет. Эта уверенность в ней притягивает больше любых сексуальных игр.

Киваю бармену. Себе беру виски — чистый, без льда. Сейчас нужно что-то, что обожжёт горло и заставит сосредоточиться.

Мартини скользит по стойке к ней. Она берёт бокал тонкими пальцами, но не пьёт. Просто держит, словно это часть образа, который она создаёт специально для меня.

— Итак, Кира... — начинаю и замолкаю.

Чёрт. Во рту пересохло. Сергей Ковалёв, который одним взглядом заставляет миллионеров потеть, не может связать двух слов перед женщиной в красном платье.

Она замечает мою заминку и впервые улыбается. Кривая, насмешливая улыбка, полная понимания.

— Боитесь банальности? — в её голосе слышится лёгкая издёвка. — "Часто сюда приходите?" "Работаете или учитесь?" "Какой знак зодиака?"

Она права. И это злит и восхищает одновременно.

— Вы читаете мысли?

— Читаю лица. — Её взгляд скользит по моим чертам, словно изучает карту. — У вас очень... красноречивое.

В её голосе появляется та хрипотца, которая заставляет представлять, как она будет звучать, шепча моё имя в темноте.

— Тогда скажите, о чём я думаю сейчас.

Она медленно подносит бокал к губам. Оливка исчезает между ними, и я слежу за движением её горла, когда она глотает. Хочется коснуться пальцами этого места, почувствовать, как бьётся пульс под тонкой кожей.

— О том, — говорит она, ставя бокал, — что привыкли получать всё сразу. И недоумеваете, почему со мной это не

работает.

Прямо в яблочко. Больно и точно.

— А вы хотите, чтобы работало?

— Не знаю. — Поворачивается ко мне боком, опираясь локтем о стойку. Расстояние между нами сокращается, и я чувствую тепло её кожи. — Зависит от того, чего хотите вы.

В её позе нет ни вызова, ни заигрывания. Только чистое любопытство хищницы, которая изучает добычу. Или врага.

— Узнать вас.

— Банально.

— Провести с вами ночь.

Слова срываются с губ прежде, чем я успеваю их обдумать. Её глаза расширяются на мгновение — первая искренняя реакция за весь вечер.

— Прямолинейно.

— Честно, — поправляю и делаю глоток виски. Огонь растекается по груди, придавая смелости. — Я мог бы час рассказывать о погоде и работе. Но мы оба знаем, к чему это ведёт.

Она молчит, изучая моё лицо. В её взгляде что-то меняется — словно она принимает решение.

— А что заставляет думать, что я соглашусь?

— То, как вы смотрите. — Наклоняюсь ближе, ловлю едва уловимый аромат её кожи. — То, как дышите, когда я говорю. То, что до сих пор здесь, хотя могли уйти час назад.

— Может, мне просто нравится дорогой алкоголь.

— Мартини можно выпить в любом баре Москвы.

— Но не в компании Сергея Ковалёва.

Моё имя в её губах звучит как ласка. Или как угроза.

— Откуда вы знаете, кто я?

— А кто не знает? — Она пожимает плечами, и красная ткань змеится по коже. — Вы не из тех, кто прячется.

Правда. Но что-то в её тоне настораживает. Слишком спокойно для женщины, которая узнала, что флиртует с человеком моей репутации.

— И это не пугает?

— Должно бы. — Её улыбка становится загадочной. — Но почему-то нет.

Мир сужается до неё. До запаха её кожи, до блеска глаз в полумраке клуба, до того, как она покусывает нижнюю губу, обдумывая ответ.

— Кстати, — её голос становится легче, — я здесь случайно. Подруга забыла подтвердить приглашение на выставку. Не хотелось тратить наряд.

— Какую выставку?

— Константина Звездова в "Artplay". — В её голосе появляются живые нотки. — Знаете такого?

Знаю. Концептуалист, чьи работы висят в частных коллекциях людей с очень серьёзными деньгами.

— Видел "Осколки времени".

Её глаза вспыхивают неподдельным интересом. Впервые за весь вечер маска спадает полностью, и я вижу настоящую

страсть.

— Где? В Пушкинском?

— У коллекционера.

— Боже мой. — Она поворачивается ко мне всем телом.

— А "Лабиринт отражений"? Его зеркальную инсталляцию?

— Нет, но хотел бы.

В её воодушевлении есть что-то заразительное. Что-то живое, настоящее — кардинально отличающееся от всех женщин моего круга.

— Он создаёт пространства, которые заставляют пересмотреть реальность, — её пальцы очерчивают в воздухе невидимые формы. — Каждое отражение заставляет задуматься о том, кто ты на самом деле.

Отражения. Маски. Реальность под ними.

— Звучит опасно.

— Почему?

— Тот, кто заставляет сомневаться в реальности, обладает властью.

Она замирает с бокалом у губ. Смотрит так, словно я сказал что-то важное.

— А вы боитесь потерять власть?

— Боюсь потерять контроль.

— Это не одно и то же?

— Власть — это инструмент, а контроль — способ выжить.

Она кивает медленно, словно понимает больше, чем я ска-

зал.

И вдруг я осознаю, что разговариваю с ней не как Сергей Ковалёв, владелец империи. Просто как мужчина с женщиной. Без масок, без расчёта.

Первый раз за годы.

— У меня дома есть коллекция, — говорю, не отводя взгляда. — Не музейная, но личная.

— Современное искусство?

— В основном. — Делаю паузу, зная, что следующие слова изменят всё. — Несколько работ Звездова тоже есть.

Это ложь. Но в её глазах загорается огонь, и я готов купить половину галерей Москвы, лишь бы его не потушить.

— Серьёзно? — В голосе звучит детское восхищение. — Какие именно?

— Лучше покажу. Искусство нужно видеть.

Она замирает. Бокал застывает на полпути к губам. Музыка клуба становится тише, или просто весь мир сжимается до этого момента.

— Вы приглашаете меня к себе?

— Да.

Никаких извинений, никаких попыток завуалировать. Мужчина приглашает женщину. Всё остальное само собой подразумевается.

Она медленно ставит бокал. Пальцы скользят по его ножке, и я представляю, как они могли бы скользить по моей коже.

— Это смелое предложение для трёх часов знакомства.

— А что вы обо мне знаете?

— Что вы богаты. Влиятельны. Опасны. — Пауза. — И что привыкли получать желаемое.

— И это пугает?

— Должно бы. — Её улыбка становится хищной. — Но нет.

Воздух сгущается. Хочется наклониться, вдохнуть аромат её кожи, коснуться губами изгиба шеи.

— Я не причиню вам вреда, — говорю тише обычного.

— А я не боюсь боли.

Эти слова ударяют в солнечное сплетение. В них слышится опыт, оставивший следы.

— Кира...

— Хорошо, — перебивает она. — Но при условии.

— Слушаю.

— Если искусства не окажется, вызову полицию и скажу, что вы меня похитили.

Смеюсь искренне, впервые за весь вечер.

— Справедливо.

Она достаёт телефон — дорогой, явно не по карману обычного человека — и быстро набирает сообщение.

— Предупреждаю подругу. Если завтра не отвечу на звонок, пусть ищет в особняках Рублёвки.

— Откуда знаете, что я живу на Рублёвке?

На мгновение замирает, потом улыбается натянуто.

— А где ещё живёт человек с коллекцией искусства?

— Думаю, что я вас удивлю.

Допиваю виски залпом. Жжение в горле — ничто по сравнению с огнём предвкушения.

— Поехали.

Встаю, протягиваю руку. Она берёт её, и электрический разряд пробегает от кончиков пальцев до самого затылка. Её кожа мягкая, тёплая, но в рукопожатии чувствуется неожиданная сила.

Мы идём к выходу, и я ощущаю взгляды. Мужчины провозжают её с завистью, а женщины с любопытством. А я не знаю, кто она такая.

И это подстёгивает желание узнать больше, чем осторожность велит остановиться.

Глава 6

Сергей

Спустя полчаса я стою в лифте собственного пентхауса и впервые за много лет чувствую, как потеют ладони. Мне сорок два года, за плечами империя стоимостью в миллиарды долларов, а я волнуюсь из-за женщины, которую знаю всего три часа.

Чертовски глупо.

Двери раздвигаются с тихим шипением, открывая основное пространство. Панорамные окна от пола до потолка обрамляют ночную Москву, которая мерцает внизу как россыпь драгоценных камней. Минималистичная мебель, каждый предмет которой стоит как хорошая машина. На стенах висят работы художников, чьи имена произносят только на аукционах "Сотбис" и в частных галереях.

— Боже мой...

Кира замирает на пороге, и я вижу, как её дыхание на мгновение сбивается. Красное платье облегает её фигуру, подчёркивая каждый изгиб, а глаза широко распахнуты от удивления. Она медленно переводит взгляд с интерьера на стены, и я замечаю, как её пальцы сжимают маленькую сумочку чуть крепче.

— Это действительно коллекция, — шепчет она, и в её голосе слышится что-то похожее на благоговение.

Почему-то её реакция важна мне больше, чем одобрение любого эксперта.

— А вы думали, что я блефовал? — Проходу мимо неё, едва касаясь рукой её талии. Она вздрагивает от прикосновения, и это заставляет мой пульс участиться.

— Думала, что преувеличиваете. — Она делает шаг внутрь, каблуки цокают по чёрному мрамору пола. — Большинство богатых мужчин покупают искусство как инвестицию. Или чтобы впечатлить женщин.

Поворачиваюсь к ней, улавливая лёгкую насмешку в голосе.

— А какую категорию вы видите во мне?

Она оборачивается, и наши взгляды встречаются. На несколько секунд воздух между нами густеет, как перед грозой.

— Ни одну, — говорит тихо. — Вы покупаете то, что задевает за живое.

Точное попадание. В самое сердце. Каждая работа в этом пентхаусе выбрана мной лично, а не консультантами и дизайнерами интерьера. Каждая что-то значит.

Кира движется от картины к картине, словно в танце, и я иду за ней, наблюдая. Её реакции завораживают: то, как расширяются её зрачки перед абстракцией Кандинского, едва слышный вздох у графики Пикассо, долгая задумчивая пауза перед работой молодого московского художника.

— Это Демин, — объясняю, когда она застывает перед

тёмным полотном, пронизанным золотыми всполохами. — "Последний поезд". Написал за неделю до того, как выбросился с крыши своей мастерской.

— Как грустно, — её голос становится мягче. Пальцы за-
висают в воздухе, не решаясь коснуться рамы. — И одновре-
менно прекрасно. Такое противоречие...

— Как всё настоящее в этой жизни.

Она кивает, не отводя взгляда от полотна, и я понимаю, что она не просто смотрит на картину. Она её чувствует. Пропускает через себя боль художника, его отчаяние, его последний крик.

Мало кто способен на такую эмпатию.

Мы переходим дальше. У противоположной стены висит серия небольших работ, которые являются моей личной слабостью, этого не понимает никто из моего окружения. Городские пейзажи неизвестного художника, купленные в крошечной галерее на Арбате пять лет назад.

Кира останавливается перед одной из картин. Полотно размером с альбомный лист — детская площадка в заброшенном дворе, одинокая качель, которая словно движется от невидимого ветра.

И вдруг её лицо меняется.

— Кира? — В её глазах что-то болезненное, слишком личное.

Она стоит неподвижно, словно под гипнозом, уставившись на маленькую картину. Дыхание сбивается, а в глазах

появляется влажный блеск.

— Всё в порядке? — Делаю шаг к ней, готовый обнять, поддержать.

— Да, — голос звучит напряжённо. — Просто... очень похоже на двор моего детства.

В этих словах слышится целая история — боль, одиночество, воспоминания, к которым больно прикасаться. Я не спрашиваю подробностей. У каждого есть места в прошлом, куда лучше не возвращаться.

— Понимаю, — говорю просто, и она благодарно на меня смотрит.

Несколько секунд мы стоим в тишине, и что-то между нами меняется. Словно невидимая стена рушится, и она видит во мне не только хищника в дорогом костюме, но и человека, способного понять боль.

— Обещанных работ Звездова я что-то не вижу, — говорит она, явно пытаясь разрядить атмосферу.

— А вы их хотите увидеть?

— Очень.

— Тогда скоро увидите.

Ложь. Но в её глазах горит такое предвкушение, что я готов завтра же скупить половину работ художника, лишь бы не разочаровать.

Мы стоим близко, слишком близко. Я чувствую тепло её тела, улавливаю аромат дорогого парфюма, смешанный с её собственным, неповторимым запахом. Хочется протянуть

руку, коснуться шёлковой кожи...

— Скажите, Сергей, — её голос становится тише, интимнее, — что для вас действительно важно в жизни?

Моё имя в её устах звучит как ласка. Как будто она проносит его не впервые, а знает уже давно.

— Искренность, — отвечаю, глядя ей в глаза. — Верность. Красота.

— И вы считаете меня красивой?

Вопрос задан без кокетства, без игры. Она действительно хочет знать, что я вижу, когда смотрю на неё.

— Я считаю вас загадкой.

— Это уклончивый ответ.

— Это честность. — Поднимаю руку и почти касаюсь её щеки, останавливаясь в миллиметре от кожи. Чувствую её тепло кончиками пальцев. — Красота может обманывать. А загадка заставляет думать, искать ответы, разгадывать тайны.

— А если разгадка разочарует?

Её дыхание учащается. Я вижу, как бьётся пульс в ямочке у основания шеи.

— Тогда это была не загадка. Просто хорошо поставленная игра.

Она изучает моё лицо, словно пытается прочесть мои мысли. Ищет ложь, но не находит.

— Покажете остальные комнаты?

— Конечно.

Провожу её дальше по пентхаусу. Показываю скульптуры, редкие фотографии, графику. Она задаёт умные вопросы, замечает детали, мимо которых проходят даже искушённые коллекционеры. Становится ясно, что она разбирается в искусстве профессионально.

— Где вы учились этому? — интересуюсь, когда она делает тонкое замечание о технике импрессионистов.

— В университете. История искусств. — Пожимает плечами, отчего бретельки платья соскальзывают, открывая соблазнительную линию ключиц. — Не самая денежная специальность.

— Зависит от того, как её применять.

— А вы как научились так разбираться? Богатые люди обычно доверяют консультантам.

— Богатство без вкуса — это пошлость, — отвечаю. — А пошлость мне претит.

Она смеётся, но в глазах мелькает удивление. Словно мой ответ не совпал с её ожиданиями.

— Что не так?

— Ничего особенного. Просто думала услышать что-то более... откровенное.

— Например?

— Что искусство помогает вам оставаться человеком в мире, где это становится роскошью.

Её слова бьют точно в цель. Именно это я чувствую каждый раз, когда возвращаюсь домой после очередного дня,

полного сделок, угроз и компромиссов. Но никогда не формулировал это даже для себя.

— Откуда такая проницательность?

— Опыт, — отвечает уклончиво и поворачивается к панорамному окну. — Люди, которые окружают себя искусством, обычно пытаются что-то компенсировать. Или защититься.

— И от чего, по-вашему, защищаюсь я?

— От одиночества.

Слово падает в тишину комнаты, тяжёлое и болезненно точное. Никто никогда не говорил мне этого в лицо. Никто не осмеливался.

Подхожу к ней вплотную, встаю рядом у огромного окна. Москва под нами переливается миллионами огней. Каждый огонёк, как чья-то жизнь, чья-то история. А мы стоим над всем этим, отрезанные стеклом и высотой от всего мира.

— Одиночество — неизбежная плата за власть.

— Необязательно.

— Всегда, — поворачиваюсь к ней, и теперь между нами всего несколько сантиметров. — Чем выше поднимаешься, тем меньше людей остаётся рядом. Тем меньше тех, кому можешь доверять.

— А мне можно доверять?

Вопрос ошарашивает своей прямоотой. Она смотрит мне в глаза, не пытаясь скрыться за улыбкой или кокетством.

— Не знаю, — признаюсь честно. — Слишком мало времени прошло.

— Справедливо, — кивает и отходит от окна.

Иду к бару, достаю бутылку Brunello di Montalcino — вино с характером, выдержанное и сложное. Как она. Наливаю в два бокала, протягиваю один ей. Наши пальцы соприкасаются при передаче, и по коже пробегают знакомый уже разряд.

— За что выпьем? — спрашивает она, поднимая бокал.

— За искусство, — говорю, не отводя взгляда. — За красоту. За загадки, которые стоит разгадывать.

— За загадки, — повторяет и пьёт.

Вино оставляет тёмный след на её губах, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не наклониться и не слизать его языком.

Сажусь на диван, она устраивается рядом. Не слишком близко, но достаточно, чтобы чувствовать её присутствие каждой клеточкой тела.

— Сергей, — произносит она, и в её голосе появляется серьёзная нотка, — зачем вы меня сюда привели? По-настоящему?

— Хотел показать коллекцию.

— Правда?

— Часть правды.

— А другая часть?

Ставлю бокал на стеклянный столик, поворачиваюсь к ней лицом.

— Хотел побыть с вами наедине. Понять, кто вы на самом деле. — Пауза. — Узнать, что скрывается за этой загадочной улыбкой.

— А если я окажусь совсем не той, кем кажусь?

— Тогда хотя бы буду знать правду.

Она медленно пьёт вино, не отводя взгляда. В её глазах происходит внутренняя борьба, словно она принимает очень важное решение.

— Хорошо, — говорит наконец едва слышным шёпотом.

— Тогда узнавайте.

Ставит бокал и поворачивается ко мне всем телом. Расстояние между нами исчезает. Её лицо в нескольких сантиметрах от моего, я чувствую её дыхание на своих губах, вдыхаю её аромат.

— Кира...

— Тише, — шепчет она.

Её рука медленно поднимается и касается моей щеки. Прохладные пальцы скользят по коже, оставляя огненный след. Моё сердце бьётся так громко, что, кажется, она должна его слышать.

— Вы понимаете, что делаете? — хрипло спрашиваю.

— Не всегда, — признаётся она, и её губы почти касаются моих. — Но сегодня... да.

И тогда она целует меня.

Мягко, осторожно, словно пробует на вкус. Но когда я отвечаю на поцелуй, её губы становятся настойчивее, требовательнее. Она целует так, словно хочет раствориться во мне, стать частью меня.

Обнимаю её, притягиваю ближе, и она подаётся на-

встречу, её тело прижимается к моему. Чувствую, как бьётся её сердце, как дрожат её руки на моих плечах.

Это больше чем поцелуй. Капитуляция. Её и моя.

Глава 7

Сергей

Поцелуй обрывается так же внезапно, как и начался. Кира отстраняется, и я вижу в её глазах смятение, которое полностью отражает мой собственный хаос. Её дыхание сбивается, губы припухли и блестят от нашего поцелуя, а взгляд мечется между моими глазами и губами, словно она не может выбрать, что её больше притягивает.

— Сергей... — начинает она дрожащим голосом, но я перехватываю её запястье, которое уже готово оттолкнуть меня.

— Не думай, — шепчу, проводя большим пальцем по тонкой коже её руки, чувствуя, как бешено бьётся пульс под моими пальцами. — Только не сейчас. Прошу.

В последнем слове слышится то, что я никогда не позволяю себе в обычной жизни... уязвимость. Я, Сергей Ковалёв, прошу. Не приказываю, не требую, а прошу эту загадочную женщину остаться со мной.

Она смотрит на меня долго, изучающе, и я готов к отказу. К тому, что она скажет "нет", развернётся и уйдёт, оставив меня наедине с этим новым, пугающим чувством. Но потом она едва заметно кивает, и для меня этого достаточно.

Поднимаюсь, не отпуская её руки, и веду к лестнице на второй уровень. Каждый её шаг отзывается во мне ударами

сердца. Она идёт за мной без сопротивления, но я чувствую напряжение в её теле: она борется сама с собой, как и я.

Спальня встречает нас мягким светом торшеров и завораживающим видом ночной Москвы. Огни города мерцают за панорамной стеной, создавая иллюзию, что мы парим над всем миром. Кровать размера king-size занимает центр комнаты, тёмно-серый шёлк простыней переливается в полумраке.

Останавливаюсь, поворачиваюсь к ней. Кира застывает на нескольких шагах, её силуэт обведён серебристым светом луны. Красное платье струится по её телу как жидкий огонь, но в её позе читается готовность к бегству.

— Кира, — произношу её имя как заклинание, и она вздрагивает. — Останься со мной. На эту ночь.

В моём голосе звучит что-то, чего я не слышал от себя годами... незащищённость. Потребность. Я привык брать то, что хочу, но с ней всё по-другому. С ней я готов просить.

Она закрывает глаза, её грудь вздымается от глубокого вдоха. Когда взгляд снова встречается с моим, в нём появляется решимость, которая заставляет моё сердце пропустить удар.

— Я здесь, — отвечает просто, но в этих двух словах слышится капитуляция.

Подхожу медленно, словно к пугливому животному. Каждый мой шаг отзывается в её учащающемся дыхании. Поднимаю руки к её лицу, касаюсь щёк кончиками пальцев. Её

кожа горячая, как будто внутри неё пылает огонь.

— Ты невероятная, — шепчу, обводя большими пальцами её скулы. — Самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Она прикрывает глаза, подаётся к моим ладоням, но тут же мотает головой.

— Не говори так, — голос дрожит. — Пожалуйста.

— Почему? — Мои большие пальцы скользят к её губам, очерчивают их контур.

— Потому что... — Она открывает глаза, и в них плещется нечто болезненно ранимое. — Потому что могу поверить. А мне нельзя верить таким словам.

Почему нельзя? Что в её прошлом заставляет её так реагировать на комплименты? Хочу спросить, но сейчас не время для расспросов. Сейчас время чувствовать.

Целую её медленно, вкладывая в поцелуй всю нежность, на которую способен. Она отвечает с отчаянной страстью, словно пытается забыть в моих объятиях какую-то боль. Её руки скользят по моей груди, нетерпеливо расстёгивают пуговицы рубашки.

Моя рубашка падает на пол с тихим шелестом. Её ладони исследуют мою кожу, оставляя огненные дорожки. Каждое прикосновение отзывается в паху пульсирующей болью желания.

Поворачиваю её спиной к себе, целую изгиб шеи, вдыхаю её аромат. Нахожу молнию платья, медленно, дразняще спус-

каю вниз. Красный шёлк соскальзывает с её плеч и ложится у ног красивой лужицей.

Она оборачивается, и воздух застывает в лёгких. В чёрном кружевном белье она выглядит как богиня. Плавные линии и соблазнительные изгибы. Грудь тяжело вздымается, а на животе чуть заметно дрожат мышцы.

— Боже, Кира, — выдыхаю, и в голосе звучит настоящее благоговение.

Но она качает головой и подходит вплотную, прижимается всем телом. Её кожа обжигает мою, а аромат кружит голову.

— Не останавливайся, — шепчет мне на ухо, её горячее дыхание заставляет содрогнуться. — Прошу тебя... не останавливайся.

В её голосе столько нужды, что самоконтроль трещит по швам. Поднимаю её на руки, она почти невесомая, но такая живая, горячая. Осторожно кладу на кровать, и шёлковые простыни под её телом выглядят как обрамление для произведения искусства.

Ложусь рядом, притягиваю к себе. Мои губы находят её шею, оставляют там влажные поцелуи. Она выгибается, вплетает пальцы в мои волосы, и тихий стон срывается с её губ.

— Сергей, — произносит моё имя как молитву, и что-то внутри меня окончательно ломается.

Когда последний раз моё имя звучало так? С такой стра-

стью, с такой потребностью? Не как приказ или формальность, а как имя мужчины, которого действительно хотят?

Мои губы спускаются ниже, к ложбинке между грудей. Её кожа солёная от выступившего пота, и я жадно слизываю каждую каплю. Она стонет громче, её бёдра непроизвольно подаются навстречу.

Избавляюсь от остатков одежды, помогаю ей сделать то же самое. Теперь между нами нет барьеров. Только горячая кожа к коже, только бешено колотящиеся сердца.

Изучаю её тело поцелуями и ласками. Каждый изгиб, каждую родинку, каждое чувствительное место. Оно рассказывает свою историю. Небольшой шрам на животе, мозоль на указательном пальце от чего-то, что требует точности, несколько веснушек на плечах.

— Ты такой... — начинает она, но слова теряются в стоне, когда мои зубы нежно прикусывают её мочку уха.

— Какой? — спрашиваю, продолжая целовать шею.

— Нежный, — шепчет она, и в голосе слышится удивление. — Я не ожидала...

— Чего не ожидала?

— Что ты можешь быть таким.

Поднимаю голову, смотрю в её глаза. Зрачки расширены от возбуждения, губы припухли.

— Только с тобой, — признаюсь честно. — Только ты заставляешь меня быть таким.

Она замирает под моим взглядом, и на мгновение между

нами повисает тишина, наполненная невысказанными словами. Потом она притягивает мою голову к себе и целует с такой страстью, что мир вокруг исчезает.

Когда преград между нами не остаётся, мы замираем, глядя друг другу в глаза. В её взгляде читается та же потребность, что терзает меня. Потребность не просто в близости, а в связи. В том, чтобы почувствовать себя живым.

— Кира, — шепчу её имя как заклинание, медленно входя в неё.

Она закрывает глаза, запрокидывает голову, и с её губ срывается такой стон, что кровь закипает в венах. Её тело принимает меня идеально, обхватывает, сжимается, заставляя задохнуться от удовольствия.

— Боже... — выдыхает она, её ногти впиваются мне в плечи. — Ты...

— Что? — Начинаю двигаться медленно, наблюдая за каждым изменением в её лице.

— Ты заполняешь всё, — шепчет она, и в голосе столько откровенности, что сердце переворачивается.

Двигаемся идеально в унисон, словно знаем друг друга вечно. Каждый толчок, каждое движение вырывает из неё новые звуки удовольствия. Я запоминаю всё. Как она кусает губу, когда волна накрывает её особенно сильно, как её пальцы судорожно сжимаются на моих плечах, как её тело изгибается навстречу каждому движению.

— Смотри на меня, — прошу хрипло. — Хочу видеть

твои глаза.

Она открывает их, и я тону в этом взгляде. В нём читается не только страсть, но и что-то большее. Доверие. Она доверяет мне своё удовольствие, свою уязвимость.

— Сергей... я... — начинает она, но слова теряются в тонах.

Чувствую, как её тело начинает содрогаться, как мышцы сжимаются вокруг меня. Она на грани, и я хочу довести её до конца, хочу увидеть, как она разлетается на кусочки в моих руках.

— Отпусти, — шепчу ей на ухо.

И она отпускает. Её спина выгибается дугой, она кричит моё имя. Её тело бьётся в конвульсиях удовольствия, и эта картина толкает меня через край.

Взрываюсь внутри неё, теряясь в волнах удовольствия, которые накрывают с головой. На несколько секунд существом только мы двое, слившиеся в единое целое.

Падаем рядом, тяжело дыша. Её голова покоится на моей груди, золотистые волосы рассыпались по подушке. Обнимаю её крепче, не желая отпускать это чувство близости.

— Это было... — начинает она, её голос ещё дрожит.

— Невероятно, — заканчиваю за неё.

Она поднимает голову, смотрит на меня. В её глазах смесь удовлетворения и чего-то ещё. Тревоги?

— О чём думаешь? — спрашиваю, поглаживая её обнажённую спину.

— О том, что завтра всё изменится, — признаётся тихо.

— То, что произошло сегодня... это не может повториться.
Слова бьют сильнее пощёчины.

— Почему?

Она не отвечает сразу, укладывается головой мне на грудь, прячет лицо.

— Потому что я не умею оставаться, — шепчет наконец.

— И не привыкла к постоянству. Я всегда ухожу первой.

— А я не привык отпускать то, что хочу сохранить, — отвечаю твёрдо. — Никогда.

Она поднимает голову, изучает моё лицо. В её взгляде читается борьба между желанием поверить и страхом разочароваться.

— Опасные слова, — шепчет.

— Опасная женщина.

Слабая улыбка касается её губ, но в ней столько грусти, что сердце сжимается.

— Поспи, — говорит она, снова устраиваясь рядом со мной. — Завтра всё станет яснее.

Но я знаю, что сон не придёт. Лежу, слушая её постепенно выравнивающееся дыхание, чувствую тепло её тела, прижавшегося к моему, и понимаю... что-то изменилось навсегда.

Эта женщина перевернула мой мир за одну ночь. Она заставила меня почувствовать то, что я считал утраченным. Способность быть уязвимым, нуждаться в ком-то больше, чем в воздухе.

И, несмотря на её слова о завтрашнем дне, я не собираюсь её отпускать.

Никогда.

Глава 8

Алина

Всплываю из глубин сна медленно, словно со дна тёплого озера. Тело приятно ломит от усталости, каждая мышца хранит память о прикосновениях, которые ещё час назад казались сном. Кожа пульсирует там, где его губы оставили невидимые отпечатки.

Блаженство длится ровно до того момента, пока разум не включается полностью.

Чужая рука лежит поперёк моей талии. Тяжёлая, мускулистая, обжигающе горячая. Пальцы слегка сжимаются во сне, притягивая меня ближе к твёрдой груди. Его дыхание щекочет мой затылок, а от его кожи исходит тот самый аромат... терпкий одеколон, смешанный с мужским запахом, который сводил меня с ума всю ночь.

Воспоминания обрушиваются лавиной.

Его руки, скользящие по моему телу. Его губы у моего уха, шепчущие моё имя так, словно это молитва. Звуки, которые я издавала под его ласками. То, как он смотрел на меня, когда...

Холодная реальность бьёт как пощёчина.

Сергей Ковалёв. Криминальный авторитет. Торговец живым товаром. Мужчина, которого я должна посадить за решётку или, ещё лучше, отправить на тот свет.

А я провела с ним ночь. Самую страстную ночь в своей жизни.

Тошнота поднимается к горлу волной. Что я наделала? Как могла так опуститься? Годы подготовки, железная дисциплина, чёткое понимание границ между личным и профессиональным. Всё летит к чертям из-за одного мужчины.

Его рука сжимается крепче, и он сонно мурлычет что-то довольное, утыкаясь носом мне в шею. От этого простого прикосновения по телу пробегает предательская дрожь желания.

Нет. Только не это. Только не сейчас.

Тело помнит каждое его прикосновение и просит продолжения. Бедра сами подаются назад, прижимаются к нему, и я чувствую, что он уже готов к новому раунду даже во сне. От этого осознания внутри всё сжимается от стыда и возбуждения одновременно.

Заставляю себя отстраниться. Медленно, осторожно приподнимаю его руку и освобождаюсь из железных объятий. Кровать предательски скрипит, и я замираю, сердце колотится так громко, что кажется, весь дом его слышит.

Сергей сопит тише, но не просыпается. Слава богу.

Встаю босыми ногами на холодный паркет и сразу чувствую слабость в коленях. Между ног саднит. Напоминание о том, насколько страстной была эта ночь. Щёки пылают от стыда, когда вспоминаю, как я кричала его имя в момент пика.

Красное платье лежит скомканной тряпкой рядом с кроватью, рядом с его рубашкой и брюками. Картина нашей взаимной торопливости и желания. Ещё вчера вечером я так тщательно его выбирала, хотела выглядеть неотразимо для миссии. А теперь оно напоминает флаг капитуляции.

Быстро натягиваю платье, чувствуя, как ткань прилипает к всё ещё влажной от пота коже. На теле нет белья. Где-то в пылу страсти мы от него избавились, и сейчас мне некогда его искать.

Краем глаза замечаю себя в зеркале напротив кровати. Волосы растрепаны, словно я попала в ураган. Губы припухли от долгих поцелуев. На шее цепочка красноватых отметин. Его засосы, которые он оставлял, пока я извивалась под ним от удовольствия.

Я выгляжу как женщина после очень хорошо проведённой ночи. Именно так и есть.

И это меня бесит больше всего.

Оборачиваюсь на спящего Сергея. В постели он выглядит совершенно другим человеком. Черты лица расслаблены, исчезла та хищная настороженность, которая не покидает его наяву. Тёмные волосы растрепались, делая его моложе. Простыня сползла до пояса, обнажая мускулистый торс, исполосованный следами моих ногтей.

Он красив. Чертовски красив. И опасен, как заряженное ружьё.

А я дура, которая забыла, зачем здесь находится.

Тошнота накатывает с новой силой. Где-то в мире дети страдают в руках торговцев людьми, а их потенциальный спаситель трахается с главным злодеем. Прекрасно. Просто прекрасно.

Заставляю себя двигаться к двери. Каждый шаг даётся с трудом. Не от физической боли, а от внутренней борьбы. Часть меня, та самая предательская часть, хочет вернуться в постель, прижаться к его горячему телу и забыться в его объятиях снова.

Но я не могу себе этого позволить.

Ванная комната встречает меня прохладным мрамором и мягким светом. Захлопываю дверь и поворачиваю замок, хотя прекрасно понимаю его бесполезность. Если Сергей захочет войти, никакие замки его не остановят.

Это его дом. Его территория. Его правила.

А я здесь всего лишь добыча, которая по собственной глупости попала в западню.

Подхожу к зеркалу и едва узнаю своё отражение. Кира Воронова, безупречный агент, исчезла. На меня смотрит расчёпанная, помятая женщина с безумными глазами. Женщина, которая позволила эмоциям взять верх над разумом.

Женщина, которая кончала в объятиях врага.

Достаю телефон дрожащими пальцами. Набираю номер Ники. Она отвечает мгновенно.

— Кира? — В голосе подруги слышна тревога. — Что случилось? Ты пропала из радиоэфира на всю ночь. Мы с Дени-

сом не спали, волновались.

— Я... — Голос предательски надламывается. Откашливаюсь, заставляю себя говорить ровно. — Всё под контролем. Мне нужна срочная помощь.

— Какая? — Ника сразу переходит в рабочий режим.

— Денис может отключить камеры видеонаблюдения в этом доме? Все, на час-полтора?

Пауза затягивается. Слишком долго.

— Кира, — голос Ники становится острым как лезвие, — где ты находишься?

— В доме Ковалёва. — Нет смысла врать. — Мне нужно провести тщательный обыск, но незаметно.

— В доме? — Её голос повышается на октаву. — Как ты туда попала? Нет, подожди. — Пауза. — О господи. Ты переспала с ним.

Это утверждение, не вопрос.

— Ника, сейчас не время для...

— Ты переспала с объектом операции, — повторяет она медленно, словно не верит собственным словам. — Ты нарушила основное правило.

— Я знаю! — шиплю в трубку, стараясь не разбудить Сергея. — Я прекрасно знаю, что натворила. Но сейчас не время для разбора полётов. Поможешь или будешь читать мне лекции?

Слышу, как она тяжело вздыхает.

— Денис говорит, что сможет. Ему нужно полчаса на под-

готовку. Но будь осторожна, если в доме есть дублирующие системы безопасности, он может их сразу не засечь.

— Понятно. Дайте знать, когда будете готовы.

— Кира, — голос Ники становится мягче, почти материнским, — ты в порядке? Он не причинил тебе вреда?

Причинил ли он мне вред? Физически... нет, если не считать приятной боли между ног. Эмоционально... Эмоционально он разрушил все мои защиты одним прикосновением. Заставил почувствовать то, что я считала навсегда утраченным. Способность раствориться в чужих объятиях, довериться, быть уязвимой.

Это хуже любых физических травм.

— Справляюсь, — отвечаю коротко.

— Встретимся после операции?

— Конечно.

Заканчиваю разговор и прячу телефон. Теперь остаётся ждать.

Включаю холодную воду, умываюсь, пытаюсь смыть с лица следы прошедшей ночи. Но стереть память так просто не получится. Она записана в каждой клетке моего тела.

В зеркале на меня смотрит женщина, которую я не узнаю. В её глазах читается то, чего не должно быть у профессионального шпиона. Сомнение. Сожаление. И что-то ещё, что я боюсь назвать.

Привязанность.

Трашу головой, прогоняя опасные мысли. Мне нужно со-

средоточиться. Вспомнить, кто я такая.

Я - Кира Воронова. Оперативник высшего класса. Профессионал.

И у меня есть работа.

Осматриваю ванную комнату с профессиональным интересом. Дорогие туалетные принадлежности, несколько флаконов элитного одеколona, электробритва последней модели. Всё аккуратно расставлено по полочкам, ни один предмет не нарушает общей гармонии.

Человек, привыкший контролировать даже мелочи.

Открываю шкафчик над раковиной. Набор медикаментов: обезболивающие, что-то от давления, витамины. Ничего необычного, но запоминаю всё. Любая деталь может оказаться важной.

Телефон вибрирует. Сообщение от Ники: "Денис готов. Камеры отключаются через минуту. У тебя час пятнадцать."

Час пятнадцать. Не так много времени, но должно хватить для поверхностного осмотра.

Выхожу из ванной комнаты на цыпочках. Сергей всё ещё спит, раскинувшись на кровати как римский император. Одна рука покоится там, где недавно лежала моя голова. Даже во сне он выглядит властно.

На мгновение меня накрывает волна воспоминаний. Как эти сильные руки поднимали меня, прижимали к стене, гладили так нежно, что я готова была расплакаться от переизбытка чувств...

Хватит. Немедленно хватит.

У меня есть работа. Есть дети, жизни которых зависят от информации, которую я могу добыть. И если для их спасения мне придётся предать мужчину, подарившего мне лучшую ночь в жизни...

Пусть так и будет.

Я шпион. У шпионов не бывает сердца.

Направляюсь в гостиную, стараясь запомнить планировку. Огромное пространство с панорамными окнами и дизайнерской мебелью. Но меня интересуют не красоты интерьера, а потенциальные тайники.

Проверяю картины на стенах, некоторые подозрительно тяжёлые. Возможно, за ними скрыты сейфы. Обхожу комнату по периметру, проверяю плинтуса, книжные полки. Пока ничего очевидного.

И тут я замечаю матовую стеклянную дверь в дальнем углу гостиной. Кабинет.

Сердце начинает колотиться быстрее. Вот где может быть что-то действительно ценное.

Осторожно толкаю дверь. Она поддаётся без скрипа, даже петли здесь смазаны до идеального состояния.

Кабинет встречает меня запахом дорогой кожи и полированного дерева. Массивный стол, кресло из чёрной кожи, стеллажи с книгами от пола до потолка. На столе стоит закрытый ноутбук, рядом аккуратной стопкой лежат папки с документами.

Подхожу к столу, чувствуя, как адреналин бурлит в крови. Открываю первую папку: документы на английском языке. Контракты на поставку чего-то. Быстро фотографирую каждую страницу, стараясь не нарушить порядок.

Во второй папке какие-то разрешительные документы. В третьей - распечатки электронной переписки.

Имена, даты, суммы в долларах. Пока ничего конкретно компрометирующего, но аналитический отдел разберётся.

Достаю из кармана подарок от Дениса. Миниатюрное устройство для копирования данных. Размером с монету, но способное за несколько минут скопировать весь жёсткий диск.

Открываю ноутбук. Система загружается без запроса пароля. Либо удача, либо Сергей слишком самонадеян. С такими людьми ничего не бывает случайно.

Вставляю устройство в USB-порт. Оно начинает работать автоматически. По словам Дениса, процесс займёт не больше десяти минут.

Пока жду, осматриваю остальную часть кабинета. На одной из полок стоят фотографии в дорогих рамках. Сергей-подросток с пожилым мужчиной. Отец, судя по сходству. Ещё одна фотография: он уже взрослый, в окружении группы серьёзных мужчин в тёмных костюмах.

Его "семья". Криминальная династия.

На другой полке: награды, кубки. Интересно. Сергей-спортсмен? Подхожу ближе. Бокс, судя по наградам. Это

объясняет его физическую форму и уверенность в собственных силах.

Телефон беззвучно вибрирует. Сообщение от Дениса: "Копирование завершено. Устройство можно извлекать."

Быстро вытаскиваю гаджет, закрываю ноутбук. Папки аккуратно возвращаю на место, проверяю, чтобы всё выглядело нетронутым.

Выхожу из кабинета и тихо прикрываю дверь.

Сергей всё ещё мирно посапывает в постели. Интересно, он всегда так крепко спит, или я его действительно измотала?

При мысли о нашей ночной активности внизу живота вспыхивает предательское тепло. Качаю головой. Сейчас совершенно не время для подобных воспоминаний.

Пишу Денису: "Миссия выполнена. Можно включать камеры обратно."

Через минуту приходит ответ: "Понял. Системы активируются через тридцать секунд. Береги себя, Кира."

Если бы всё было так просто...

Теперь мне нужно придумать, как незаметно выбраться отсюда. И как объяснить себе самой, почему при мысли об уходе что-то болезненно сжимается в груди.

Глава 9

Алина

Выбираюсь из подъезда на подгибающихся ногах. Каждый шаг отзывается сладкой болью между бедер. Живое напоминание о безумной ночи в объятиях Сергея. Холодный московский ветер обжигает разгоряченные щеки, но не может остудить пожар стыда, пылающий в груди.

Останавливаю такси дрожащей рукой. За рулем сидит седоватый мужчина с добрыми глазами, который одним взглядом в зеркало заднего вида понимает мое состояние и тактично отворачивается.

— На Тверскую, — хрипло прошу и откидываюсь на сиденье.

За окном течет обычная жизнь обычных людей. Деловые москвичи спешат в офисы, студенты плетутся к метро. Никто из них не знает, каково это... раствориться в объятиях человека, которого должна предать.

Телефон вибрирует. Ника.

— Где ты?

— Еду к тебе.

— Хорошо. Кофе уже готов. Судя по твоему голосу, крепкий понадобится.

В ее словах нет осуждения, только забота. Поэтому Ника — единственная, кого я могу назвать подругой.

Квартира встречает ароматом свежего кофе и уютом. Ника выходит из кухни с дымящимися чашками, окидывает меня взглядом с головы до ног и качает головой.

— Боже, Кира. Ты выглядишь...

— Как шлюха? — заканчиваю за нее, принимая обжигающую чашку.

— Как женщина, которая впервые в жизни занималась настоящей любовью, — мягко поправляет она. — Это совсем другое.

Обжигающий кофе обрушивается на язык, но я жадно пью, стараясь взбодриться. Мне нужна ясность мысли.

— Ты не понимаешь, — шепчу, рухнув на диван. — Я совершенно потеряла себя. Он делал со мной такое, что... — Голос обрывается. Не могу произнести вслух, как кричала его имя в момент пика.

Ника садится рядом, ее теплая ладонь ложится на мое плечо.

— Кира, ты всю жизнь контролируешь каждую секунду. Но иногда лучшие результаты получаются именно тогда, когда мы позволяем чувствам взять верх.

— Лучшие результаты? — Смотрю на нее как на сумасшедшую. — Ника, я забыла, зачем была там!

— Но задание ты выполнила, — спокойно напоминает она. — Денис говорит, ты скопировала весь жесткий диск и сфотографировала документы. Разве не это было целью?

Достаю телефон дрожащими пальцами, перекидываю ей

все фотографии. Ника листает, хмурится, увеличивает некоторые фрагменты.

— Основная масса похожа на обычную корпоративную документацию, — бормочет, изучая снимки. — Контракты, отчеты, переписка... Стоп.

Замирает на одной фотографии, вглядывается пристальнее.

— Это интересно.

— Что такое?

Поворачивает экран ко мне. На снимке виден документ на английском. Разрешение на транспортировку специального груза через таможенный терминал в Подмоскowie. В графе описания расплывчатая формулировка: "промышленное оборудование специального назначения".

— Дата поставки уже послезавтра, — указывает пальцем на строку. — А эта подпись нужна для прохождения груза без досмотра.

— Промышленное оборудование, — повторяю, чувствуя холодок внутри. — Может быть чем угодно. Оружием, наркотиками...

— Или людьми, — тихо добавляет Ника.

Смотрим друг на друга. Если это правда, если Сергей действительно торгует людьми, то я спала с чудовищем. С человеком, разрушающим жизни ради прибыли.

Тошнота подкатывает к горлу.

— Мне нужен душ, — вскакиваю с дивана.

— Кира...

— Пожалуйста. Мне нужно смыть это с себя.

В ванной включаю воду погорячее и стою под обжигающими струями, пока кожа не покрывается красными пятнами. Но никакая температура не смоет то, что творится в душе. Отвращение к себе. Стыд. И самое ужасное... тоску по его прикосновениям.

Даже сейчас, зная правду, тело помнит каждую секунду близости. Помнит, как он целовал меня, словно я была самым драгоценным сокровищем. Как шептал мое имя в момент экстаза.

Неужели все притворство? Неужели он настолько искусный актер?

Или... или я ошибаюсь?

Качаю головой, прогоняя сомнения. У меня есть документы. Есть улики. Сентиментам здесь не место.

Выхожу из душевой кабины, заворачиваюсь в махровый халат Ники. В зеркале отражается бледная незнакомка с потухшими глазами. Такой меня никто не видел. Даже я сама.

Возвращаюсь в гостиную. Ника сидит за ноутбуком, продолжает разбирать фотографии.

— Что-то еще нашла?

— Денис расшифровывает данные с жесткого диска, — отвечает, не отрываясь от экрана. — Пока скажу одно: документ о грузе — это наша главная зацепка. Если проследим, что именно ввозится, получим конкретные доказательства.

— Значит, послезавтра нужно быть на терминале.

— Или найти другой способ добыть информацию. — Ника поднимает глаза. — Кира, есть кое-что важное, о чем мы должны поговорить.

По интонации понимаю: разговор будет неприятный.

— Говори.

— Твое поведение прошлой ночью создает проблему.

— Какую? — Хотя знаю ответ.

— Мужчины калибра Сергея Ковалева не привыкли, что женщины исчезают из их кровати без объяснений. Их эго этого не переносит. — Ника встает, начинает мерить комнату шагами. — Он будет искать тебя. Непременно будет.

— И это хорошо или плохо?

— Смотря как использовать. — На лице появляется хитрая улыбка. — Слушай внимательно. Таких мужчин привлекает охота. Будешь слишком доступной и он потеряет интерес. Но если заставишь добиваться...

Понимаю направление мысли.

— Предлагаешь играть в кошки-мышки.

— Предлагаю обратить мужскую психологию против него самого. — Садится напротив, смотрит прямо в глаза. — Кира, за одну ночь ты получила больше информации о его личной жизни, чем мы добыли бы за месяцы. Это не провал. Это триумф.

— Не слишком ли грязно все это?

— Грязнее торговли детьми? — Вопрос звучит как удар.

Закрываю глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Ника права. У меня нет права на сантименты. Есть миссия.

— Ладно, — говорю наконец. — Что предлагаешь?

— Исчезнуть на несколько дней. Полностью. Пусть поймет, что потерял тебя. Почувствует, каково это. А когда будет готов на все, чтобы вернуть...

— Я появлюсь и позволю себя найти.

— Именно. — Кивает. — Только на этот раз ты будешь готова. Будешь знать, чего ожидать.

На столе звонит телефон. Видеовызов от отца.

Переглядываемся с Никой. Она кивает: принимай.

Лицо Геннадия Воронова материализуется на экране. Безупречно выбритое, в дорогой оправе очков, с пронизательными глазами, видящими насквозь. Даже через камеру от него исходит аура власти.

— Кира, — приветствует довольным тоном. — Вероника передала предварительный отчет. Превосходная работа.

— Спасибо, папа.

— За одну ночь получила доступ к личным документам и компьютеру. Выдающийся результат. — Пауза, изучает мое лицо. — Ты в порядке? Выглядишь измотанной.

— Все нормально. Просто было напряженно.

— Понимаю. Ковалев — непростая мишень. — В глазах мелькает подобие заботы. — Он не навредил тебе?

— Нет.

— Отлично. — Снова деловой тон. — Покажи, что уда-

лось найти.

Ника поворачивает ноутбук к камере, демонстрирует фотографию с разрешением. Отец внимательно изучает, хмурится.

— Любопытно, — бормочет. — Весьма любопытно. Дата поставки?

— Послезавтра, — отвечаю.

— Этого может хватить для санкции на обыск терминала. — Откидывается в кресле, размышляя. — Кира, работа выполнена блестяще. Теперь действуем осторожно.

— У меня есть план, — вмешивается Ника. — Временно исчезнуть из поля зрения Ковалева. Заставить его самого искать Киру.

Отец прищуривается.

— Поясни.

— Мужчины его типа не выносят игнора. Особенно после близости. Он обязательно начнет поиски. А найдя, будет готов на все, чтобы удержать рядом.

— Рискованно, — отмечает отец. — Может решить, что его предали, и отреагировать соответственно.

— Или решит, что она единственная женщина, сумевшая его заинтересовать, — парирует Ника. — Мы изучили досье. Серьезных отношений не было уже несколько лет. Только случайные связи.

— И что это дает?

— Алина может стать исключением. Теперь нужно убе-

дить его в этом.

Отец молчит целую минуту, взвешивая. Наконец кивает.

— Попробуем. Но времени мало. Если груз связан с торговлей людьми, каждый день промедления может стоить жизнью.

— Понимаю, папа.

— Алина, ты уверена в своих силах? После прошлой ночи можешь эмоционально привязаться к объекту.

Вопрос повисает обвинением. Он знает. Конечно знает.

— Я профессионал, — отвечаю твердо. — Личные чувства не повлияют на выполнение задачи.

— Прекрасно. — Одобрение в голосе. — Приступайте к реализации.

Связь обрывается. Экран темнеет.

Ника смотрит с сочувствием.

— Все получится, Кира. Ты справишься.

— Откуда уверенность?

— Потому что ты лучший оперативник из всех, кого знаю. А он... — Пауза. — Всего лишь мужчина. А мужчины предсказуемы.

Если бы все было так просто.

Но выбора нет. Есть миссия. Есть дети, которых нужно спасти.

А есть мужчина, заставивший меня почувствовать себя живой впервые за годы.

И теперь мне предстоит его уничтожить.

Встаю с дивана, решение созрело.

— Ника, мне нужна другая квартира. Где Сергей меня точно не найдет.

— У меня есть варианты. — Она уже листает телефонную книгу. — Но сначала... — Поднимает глаза. — Кира, если он действительно начнет тебя искать, будь готова к тому, что это будет всерьез. Мужчины его уровня не играют в догонялки. Они охотятся.

Слова отзываются дрожью где-то в глубине живота. Страхом или возбуждением. Не понять.

— Тогда посмотрим, кто кого поймает, — отвечаю, и в голосе звучит сталь.

Игра только начинается.

Глава 10

Сергей

Просыпаюсь от тишины.

Не от будильника, не от звонка. От неправильной, оглушительной тишины, которая обрушивается на меня, как холодная вода. В спальне пусто. Место рядом остыло. Простыни ещё хранят её тепло, но это лишь дразнящий призрак того, что было.

Кира исчезла.

Резко сажусь, сердце колотится в груди. Взгляд метется по комнате в поисках хоть какой-то детали, подтверждающей, что прошлая ночь была реальностью, а не сном. Её красное платье не лежит у кровати. Даже аромат её кожи почти растворился в воздухе.

Она сделала то, что обещала. Ушла первой.

Кулаки сжимаются сами собой. Внутри поднимается что-то тёмное и злое. Никто не уходит от Сергея Ковалёва. Никогда. Женщины борются за моё внимание, оставляют записки с номерами, «забывают» серёжки и платки. Они цепляются, умоляют, требуют продолжения.

А она... она растворилась в ночи, словно её и не было.

Встаю, подхожу к панорамной стене. Москва просыпается подо мной, окрашиваясь в серые тона рассвета. Город простирается до горизонта. Весь мир лежит у моих ног. Но впер-

вые за долгие годы я чувствую пустоту. Не ту привычную, с которой научился жить, а острую, режущую. Словно что-то важное исчезло из моей жизни, едва успев появиться.

Что она со мной сделала? Одна ночь, и я чувствую себя... другим. Живым.

Она не просто ушла. Она бросила мне вызов.

И я его принимаю.

К полудню раздражение сменяется холодной решимостью. В кабинете привычно тихо. За окном деловая Москва кипит своими играми и сделками, но меня это не касается. Сегодня у меня другое дело: завершение двухлетней охоты.

Лев Зильберман сидит в кожаном кресле напротив моего стола. Он словно сдулся. Дорогой костюм висит на нём мешком, под глазами тёмные круги, кожа приобрела болезненный, сероватый оттенок. Ещё два года назад этот мужчина улыбался мне с обложки делового журнала. Теперь он напоминает побитую собаку, которая боится поднять глаза на хозяина.

Медленно верчу в пальцах дорогую ручку из чёрного дерева, наслаждаясь его дискомфортом. Молчание затягивается. Он нервно сглатывает, потирает ладонями колени.

— Итак, Лев, — наконец произношу, откидываясь на спинку кресла. — Давай подведём итоги твоих успехов. Компания на грани банкротства. Инвесторы подают в суд и требуют немедленного возврата средств, которых у тебя, как мы знаем, нет. Завтра тебя ждёт крупнейший судебный процесс

в истории твоей фирмы.

Каждое слово падает в тишину кабинета, как удар молота. Зильберман вздрагивает, но молчит. В его глазах ещё тлеет ненависть, но силы её покинули.

— А я предлагаю тебе выход, — продолжаю ровным тоном, словно обсуждаю прогноз погоды. — Покупаю твой бизнес за один рубль.

Его рот приоткрывается. Он хочет возмутиться, закричать, но из горла вырывается только хриплый звук.

— Помнишь наш разговор два года назад? — Чуть наклоняюсь вперёд, кладу ручку на стол. — Предлагал тебе партнёрство. Крупный проект в сфере элитной недвижимости. Но ты отказался. Сказал, что хочешь сохранить свой бизнес «чистым». Что не хочешь связываться с такими, как я.

В его взгляде вспыхивает понимание. Он наконец осознаёт, что последние два года боролся не с кризисом, не с конкурентами. Он боролся со мной. И у него не было ни единого шанса на победу.

— Я уважаю принципы, — добавляю с лёгкой усмешкой. — Поэтому методично, шаг за шагом, разрушал твою «чистую» империю.

Гнев в его глазах гаснет. Плечи опускаются. Он понимает, что игра окончена.

— Пожалуйста, — шепчет он. Одно слово, которое ставит точку в его карьере.

Улыбаюсь. Не зло, а скорее с удовлетворением хорошо вы-

полненной работы.

— Мой секретарь подготовит документы. Можешь идти.

Он поднимается на ватных ногах и, не глядя на меня, направляется к двери. Когда она закрывается, встаю и подхожу к окну. Москва сияет тысячами огней. Моя империя простирается до горизонта.

Полная победа.

Но вместо удовлетворения в груди звенит привычная пустота. Месть оказалась пустой, как и всё остальное в моей жизни. Что со мной происходит? Раньше подобные триумфы наполняли меня силой на недели.

А теперь... теперь я думаю о золотистых волосах и синих глазах, в которых читалась такая же боль, как в моей душе.

Тяжёлые шаги в коридоре заставляют меня отвлечься от окна. Дверь открывается без стука. Входит Руслан. Единственный человек, которому это разрешено.

— Контейнер прошёл таможню без проблем, — сообщает, опускаясь в освободившееся кресло. — Всё чисто.

Киваю. Хорошие новости, которые не вызывают никаких эмоций.

Руслан изучает меня взглядом. Его пронизательные глаза всегда видят слишком много.

— Ты его окончательно дожал, — говорит он без эмоций. — Сергей, в последнее время ты стал слишком... жёстким. Даже для тебя. История с Зильберманом была слишком личной. Не дай этой тьме сожрать тебя окончательно.

— Не читай мне лекции, Рус, — отрезаю, возвращаясь к столу.

— Не лекции, а забота о друге, — усмехается уголком рта. — Кстати, напоминаю про благотворительный аукцион. Твоё присутствие обязательно. Пресса, партнёры, влиятельные люди. Нужно показать лицо.

Аукцион. Искусство.

Одно слово, и её образ встаёт перед глазами с болезненной ясностью. Кира, изучающая картину в галерее. Увлечённая, сосредоточенная. Наконец-то искренняя. Именно в тот момент я понял, что она не притворяется. Искусство для неё не способ произвести впечатление. Это страсть.

Память возвращает каждую деталь. Как она замерла перед полотном, забыв обо всём мире. Как её глаза загорелись, когда она говорила о цвете и композиции. В те минуты маска упала, и я увидел настоящую Киру. Уязвимую, живую, прекрасную.

Она была не похожа на других. В ней не чувствовались расчёт или фальшь. Только чистая страсть и какая-то болезненная честность. Впервые за много лет женщина запомнилась мне больше, чем на одну ночь. Она стала единственной, с кем я захотел остаться до утра.

Но утром дом был пуст.

Она исчезла, не оставив ни записки, ни номера телефона. Моя охрана в клубе не смогла найти о ней информации. Камеры зафиксировали только то, как она вошла в клуб и рас-

творилась в ночи, словно призрак.

И вдруг мысли выстраиваются в чёткую линию. Аукцион. Художественная выставка. Её слабость. Нет, это не слабость, а сердце. То место, где она по-настоящему живёт.

Это мой единственный шанс.

— Руслан, оставь меня, — голос звучит твёрже, чем я рассчитывал.

Он понимающе кивает и выходит. Нажимаю кнопку лектора.

— Слушаю, Сергей Геннадьевич, — раздаётся голос секретарши.

— Свяжитесь с организаторами вчерашней художественной выставки. Найдите того концептуалиста... как его... Звездова. Я выкупаю всю его коллекцию. Полностью. И выставлю на аукционе от своего имени.

В трубке повисает тишина.

— Всю коллекцию, Сергей Геннадьевич? Это очень дорого...

— Ты плохо меня расслышала? — В моём голосе появляется стальная нотка. — Всю. Неважно, сколько это стоит.

Кладу трубку и снова подхожу к окну. Город мерцает огнями, но сейчас он кажется мне не завоёванной территорией, а декорацией. Пустой, бессмысленной декорацией.

Ты хотела исчезнуть, Кира. Раствориться без следа. Но я не из тех, кто отпускает то, что считает своим. А прошлой ночью, хотя бы на несколько часов, ты была моей.

Ты сама придёшь в мою ловушку, потому что не сможешь устоять перед искусством. И на этот раз я не позволю тебе уйти.

Глава 11

Сергей

Центр современного искусства «Винзавод» встречает меня приглушённым гулом голосов и мелодичным звоном бокалов. Высокие кирпичные своды утопают в мягком золотистом свете прожекторов, создавая атмосферу почти музейной торжественности.

Здесь собрался весь цвет московской элиты: банкиры в костюмах за полмиллиона, политики с лоснящимися от самодовольства лицами, медиамагнаты и их жёны в платьях от именитых кутюрье. Женщины порхают между картинами, как яркие бабочки, мужчины важно кивают друг другу, обмениваясь рукопожатиями и многозначительными взглядами.

Все они делают вид, что разбираются в искусстве, хотя большинство не отличит Пикассо от Малевича. Они приходят сюда не ради культуры, а чтобы показаться, завести нужные знакомства, заключить прибыльные сделки под прикрытием благотворительности.

Обычно я терпеть не могу подобные мероприятия. Весь этот театр притворства и лицемерия вызывает у меня отвращение.

Но сегодня у меня есть цель. И она не имеет отношения к бизнесу.

Руслан материализуется рядом, как всегда, в самый подходящий момент. В руках у него два бокала дорогого виски, ведь он знает мои предпочтения лучше, чем я сам. Протягивает один мне, сам делает небольшой глоток из второго, смакуя вкус.

— Твоя коллекция Звездова произвела настоящий фурор, — усмехается он, и в его глазах читается смесь восхищения и лёгкого недоумения. — Организаторы просто в восторге. Говорят, что такого щедрого жеста от спонсора они не видели никогда. Полтора миллиона долларов за коллекцию неизвестного художника — это даже для тебя безрассудство.

— Меня интересует не их восторг, — отвечаю, сканируя взглядом толпу гостей.

Мои глаза методично обшаривают каждый угол зала. Ищу знакомый силуэт, золотистые волосы, изящную осанку. Тот особенный изгиб шеи, который врезался в память и не даёт покоя уже две недели. Её здесь нет. Пока.

— А что тогда интересует? — Руслан следует за направлением моего взгляда, и его брови удивлённо поднимаются. — Или правильнее спросить — кто?

Не отвечаю. В горле пересыхает от нетерпения. Что, если она не придёт? Что, если мой план провалится?

Впервые за многие годы исход какого-то дела не находится под моим полным контролем, и это ощущение одновременно пугает и возбуждает.

— Сергей, — продолжает Руслан, явно наслаждаясь моим

дискомфортом, — это твой собственный благотворительный аукцион, а ты выглядишь так, будто тебя сюда силой при- тащили. Может, всё-таки пообщаешься с людьми? Жена гу- бернатора Волкова уже полчаса строит тебе глазки. Краси- вая женщина, кстати. И очень влиятельная.

Оборачиваюсь в указанном направлении. Действительно, элегантная брюнетка лет сорока с безупречным макияжем украдкой поглядывает в мою сторону.

Красивая, ухоженная, явно заинтересованная. Её взгляд обещает интересный вечер и, возможно, выгодные полити- ческие связи. Ещё месяц назад я бы уже подошёл к ней, оча- ровал парой комплиментов и увёл из зала. Сейчас она ка- жется мне плоской картонной фигуркой, красивой, но абсо- лютно пустой.

— Не в настроении, — коротко бросаю.

— В последнее время ты вообще не в настроении, — за- мечает Руслан, и в его голосе появляется нотка обеспокоен- ности. — Что происходит, Серёга? С тех пор как ты оконча- тельно разорил Зильбермана, стал ещё более мрачным, чем обычно. А это, поверь мне, достижение.

Хочу ответить какой-то колкостью, отмахнуться от его за- боты, но слова застывают на губах. Где-то справа, у даль- ней стены, раздаётся смех. Лёгкий, мелодичный, знакомый до боли звук, который мгновенно пробивает всю мою защи- ту.

Сердце пропускает удар, а потом начинает биться так

громко, что я боюсь, как бы Руслан не услышал.

Медленно поворачиваю голову и замираю.

Она здесь.

Кира стоит у дальней стены, рядом с одной из самых дорогих картин коллекции Звездова: абстрактным полотном в сине-серых тонах. На ней простое чёрное платье из шёлка, которое подчёркивает каждый изгиб её фигуры, не выставя красоту напоказ. Золотистые волосы собраны в низкий пучок, открывая изящную линию шеи. На шее тонкая золотая цепочка, единственное украшение. Никаких излишеств, никакой вызывающей роскоши. Элегантная, сдержанная, невероятно красивая.

Она ещё прекраснее, чем в моих воспоминаниях.

Кира общается с мужчиной в дорогом сером костюме. Высоким, представительным, с благородной сединой на висках и интеллигентным лицом. Узнаю его: это сам Звездов, художник, чьи работы я скупил. Она что-то говорит ему, слегка жестикулируя, и он смеётся, явно очарованный её общением. Его глаза светятся восхищением, а когда она поворачивается к одной из картин, его взгляд скользит по её фигуре с нескрываемым интересом.

Ревность вспыхивает в моей груди, как удар молнии. Горячая, иррациональная, всепоглощающая. Кулаки сжимаются сами собой. Никто не имеет права так смотреть на неё. Никто, кроме меня.

— Вот оно что, — тихо произносит Руслан, внимательно

изучая моё лицо. — Теперь понятно, почему ты скупил всю коллекцию этого художника. И почему последние две недели ходишь как подстреленный.

Делаю большой глоток виски, надеясь, что алкоголь притупит остроту эмоций. Но это не помогает. Каждая линия её тела, каждый изгиб запястья кажется совершенным. Две недели разлуки только усилили её притягательность, сделали желание почти болезненным.

К ней подходит фотограф с профессиональной камерой. Предлагает сфотографироваться на фоне картины для светской хроники. Она смущённо качает головой, пытается отказать, но художник что-то говорит, убеждая, и она неохотно соглашается. Поворачивается к камере вполборота, изящно касается рукой рамы картины. Улыбается естественно и искренне, не так натянуто, как это делают светские львицы. Словно внутри неё горит какой-то особый свет.

Фотограф делает несколько снимков, явно довольный. Другие гости начинают поглядывать в её сторону: мужчины с плохо скрываемым интересом, женщины с лёгкой завистью. Она привлекает внимание, не пытаясь его привлечь. В этом вся она: естественная магия, от которой невозможно отвести взгляд.

— Идём знакомиться, — предлагает Руслан, но в его голосе слышится озорство.

— Мы уже знакомы, — отвечаю, не сводя с неё глаз.

— А, понятно, — он усмехается. — Тогда иди возобнов-

ляй знакомство. А то так и будешь всю жизнь сверлить её взглядом через весь зал, как подросток.

Он прав, и это раздражает. Заканчиваю виски одним решительным глотком, ощущая, как жжёт горло, передаю ему пустой бокал и направляюсь через толпу к дальней стене.

Каждый шаг даётся с трудом. Руки слегка дрожат. Когда это со мной такое было?

Я, Сергей Ковалёв, привыкший контролировать любую ситуацию, нервничаю из-за женщины, как мальчишка перед первым свиданием.

Кира стоит спиной ко мне, изучая одно из самых загадочных полотен Звездова. Большое абстрактное полотно представляет собой практически чистый белый холст с едва заметными мазками серой краски по краям. Её голова слегка наклонена, словно она прислушивается к какой-то неслышимой музыке. Руки сложены за спиной. Она полностью поглощена созерцанием, и в этот момент её лицо абсолютно открыто, лишено всех масок.

Останавливаюсь в шаге от неё, так близко, что чувствую тепло её тела и улавливаю знакомый аромат: что-то лёгкое, цветочное, с едва уловимыми нотками ванили. Она чувствует моё присутствие: плечи напрягаются почти незаметно, но поворачиваться не торопится.

— Чистый холст, — произношу негромко, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Художник говорит, что зритель сам наполняет его смыслом. А вам не кажется, что это про-

сто изощрённый способ продать пустоту за очень большие деньги?

Она медленно поворачивается, и наши глаза встречаются. На её лице нет удивления, только лёгкая улыбка, словно она знала, что я здесь, и ждала этой встречи. В глубине её синих глаз мелькает что-то, что заставляет моё сердце биться быстрее.

— Возможно, — отвечает она спокойно, голос звучит чуть хрипловато, как у женщины, которая только что проснулась. — Но разве не в этом вся суть настоящего искусства? Заставить зрителя думать, чувствовать, спорить. Если картина вызывает эмоции — любые эмоции — значит, она выполнила свою главную задачу.

Усмехаюсь, чувствуя, как напряжение между нами нарастает с каждой секундой. Она не боится спорить со мной. Не пытается угодить или произвести впечатление дежурными комплиментами. И это невероятно возбуждает.

— Интересная точка зрения. А что видите в этом конкретном полотне вы?

Её взгляд снова возвращается к картине. Она молчит несколько долгих секунд, и я наблюдаю, как меняется выражение её лица: оно становится задумчивым, почти мечтательным.

— Потенциал, — наконец произносит она, и в её голосе звучит искренность, которая пробивает все мои защиты. — Это не пустота. Это бесконечное количество возможностей.

Тысячи историй, которые могли бы быть рассказаны, но художник оставил выбор зрителю. Каждый видит то, что живёт в его душе.

Неожиданный ответ. Глубокий, философский. В нём нет претензии на интеллектуальность, только чистая, неподдельная искренность. Именно такой она была в ту ночь: настоящей.

— А может, это своего рода тест, — добавляю, делая полшага ближе. — Только тот, у кого есть что сказать миру, увидит в пустом холсте смысл.

Кира поворачивается ко мне, и в её глазах мелькает что-то похожее на удивление, смешанное с новым интересом.

— Должна признаться, я не ожидала от вас такого... философского подхода к искусству, господин Ковалёв, — говорит она, и в её голосе появляется игривая нотка.

— А чего вы от меня ожидали? — спрашиваю, наслаждаясь этой словесной дуэлью.

— Честно? — она усмехается, и этот звук заставляет что-то трепетать в моей груди. — Что вы скажете что-то банальное вроде «это стоит миллион долларов, значит, должно быть красивым».

Смеюсь впервые за две недели по-настоящему, от души. Звук получается неожиданно лёгким, почти мальчишеским.

— Вы меня серьёзно недооцениваете, Кира. Я не только считаю деньги. Иногда покупаю искусство из чистого удовольствия.

— Видимо, да, — она улыбается краешком губ, и эта полуулыбка сводит меня с ума. — Раз уж купили всю коллекцию Звездова для благотворительного аукциона.

Она знает. Конечно, знает. Новость о моей щедрой покупке уже облетела весь зал.

И что теперь? Признаться, что сделал это только для того, чтобы выманить её сюда?

— Это благотворительность, — пожимаю плечами, стараясь выглядеть непринуждённо. — Дети из детских домов должны получить помощь. А искусство должно служить благим целям.

— Очень благородно с вашей стороны, — в её словах нет насмешки, но я чувствую, что она анализирует каждое моё слово, каждый жест. Пытается понять истинные мотивы.

Между нами повисает пауза. Не неловкая, а напряжённая, полная невысказанного.

Мы стоим так близко, что я вижу золотистые искорки в её синих глазах, замечаю едва заметное дрожание ресниц. Она не отступает, не отводит взгляд. В ней есть внутренняя сила, которая притягивает меня как магнит.

— Рад, что вы всё-таки смогли прийти, — говорю, стараясь не выдать, как сильно колотится сердце. — Компенсирует ли этот аукцион ту выставку, которую вы пропустили?

Её глаза на мгновение становятся внимательнее, настороженнее.

— Пропустила?

— Вы же собирались на выставку Звездова. В тот вечер, когда мы встретились в «Эгоисте».

Пауза затягивается. Она явно не ожидала, что я это помню. В её взгляде мелькает удивление, смешанное с чем-то ещё. Благодарность? Смущение?

— У вас отличная память на детали, — наконец произносит она.

— Только когда мне что-то по-настоящему интересно, — отвечаю, глядя ей прямо в глаза.

Между нами снова повисает тишина. Напряжённая, наэлектризованная. Мы оба помним ту ночь: каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждый момент близости. И то, как она исчезла на рассвете, не оставив даже записки.

— Мне показалось, или вы тщательно избегали встреч эти две недели? — спрашиваю прямо, решив не играть в игры.

Она не отводит взгляда, и в её глазах вспыхивает что-то похожее на вызов.

— А вы их искали?

— Возможно.

— Тогда искали недостаточно старательно, — отвечает она с лёгкой улыбкой, которая больше похожа на провокацию.

Дерзкая. Я забыл, насколько она дерзкая. И как это меня заводит.

— В следующий раз буду искать более... настойчиво, — усмехаюсь, вкладывая в слова обещание.

Она собирается что-то ответить, и я вижу, как приоткрываются её губы, но её внимание привлекает движение в зале. К микрофону подходит ведущая мероприятия, известная телеведущая в ярко-красном платье, которое стоит больше, чем иные зарабатывают за год.

— Дамы и господа! — её звонкий голос разносится по залу. — Наш благотворительный аукцион начинается. Прошу всех занять места в зрительном зале.

Гости начинают перемещаться к импровизированному подиуму, создавая приятное оживление. Кира делает шаг в сторону, собираясь уйти вместе со всеми, но я мягко касаюсь её руки.

Её кожа тёплая, нежная. Прикосновение длится всего секунду, но электрический разряд пробегает по всему моему телу.

— Оставайтесь, — прошу, стараясь не выдать, как это простое прикосновение влияет на меня. — Посмотрите, как продают работы вашего любимого художника. Может быть, даже поборетесь за какую-нибудь картину?

Она смотрит на мою руку на своём локте, потом медленно поднимает глаза. В её взгляде читается внутренняя борьба.

— Извините, — говорит она после паузы. — Нужно припудрить носик.

Полуправда. Или даже откровенная ложь. В её голосе есть что-то, что не даёт поверить полностью.

Аукцион начинается, и я понимаю, что Кира опять сбе-

жала.

Глава 12

Алина

Черт поberi этого лицемерного ублюдка!

Меряю шагами небольшую гостиную, мои босые ноги беззвучно ступают по паркету. Телефон валяется на диване, экран погас после звонка Ники. Вызов не приняла, слишком взвинчена. В ушах всё ещё звучат слова Сергея с вчерашнего благотворительного вечера, произнесённые с такой искренностью, что у меня чуть не пошла кровь из ушей от отвращения.

— "Дети — наше будущее, — мысленно передразниваю его пафосную речь, сжимая кулаки до боли в костяшках. — Они рождаются невинными, чистыми, без грехов. Каждый ребёнок заслуживает шанса на счастливое детство, на безопасность, на любящую семью."

Ха! Какое же дерьмо! Этот выродец торгует детьми, словно скотом, а на публике разливается соловьём о детской невинности.

Останавливаюсь у окна, прислоняюсь лбом к прохладному стеклу. Москва просыпается внизу: первые прохожие торопятся на работу, где-то вдалеке гудит утренний трафик. Обычный день для обычных людей, которые не знают, что живут в мире, где такие, как Ковалёв, наживаются на детских

страданиях.

Память предательски возвращает меня в прошлое. Серые стены детского дома номер семнадцать в Подмосковье. Металлические кровати, выстроенные в ряд. Запах хлорки и казённой каши. И я, семилетняя девочка с белыми косичками, прижимающаяся к подоконнику и смотрящая на чужих дядей и тётей, которые приходят выбирать себе детей.

Родители бросили меня в роддоме. Всего два месяца от роду, а уже никому не нужная. Воспитательница тётя Валя рассказывала мне сказки о том, что родители обязательно вернуться, просто "сейчас не могут". Детская душа цеплялась за эту ложь, как утопающий за соломинку.

Помню тот день, когда приехали благотворители из какого-то банка. Привезли игрушки, сладости, новые матрасы. На неделю наш серый мир окрасился яркими красками. Дети смеялись, играли в новые игрушки, спали на мягких кроватях. А я думала: "Вот оно, чудо. Кто-то нас не забыл."

Эти короткие моменты заботы от незнакомых людей давали надежду. Пусть родители и бросили, но есть же добрые дяди и тёти, которые помнят о нас. Есть те, кому не всё равно.

А потом они уезжали. И серость возвращалась.

Сколько раз я стояла у забора и смотрела, как другие дети уходят с новыми родителями. Они светились от счастья, прижимали к себе игрушки, оборачивались помахать оставшимся. А я оставалась. Всегда оставалась.

До тринадцати лет. До того дня, когда появился мужчина с седыми волосами и кривым носом по имени Геннадий Воронов. Он не улыбался, как остальные потенциальные усыновители. Он просто смотрел внимательными глазами, словно оценивал товар.

"Эта подойдёт," — сказал он тёте Вале, кивнув на меня.

И я пошла за ним. Потому что всё было лучше, чем остаться в этих серых стенах до восемнадцати.

Звонок телефона возвращает меня в настоящее. Ника. Третий раз за утро.

— Алин, ты там совсем поехала? — её обеспокоенный голос врывается в комнату. — Говорит автоответчик, что абонент недоступен.

— Я здесь, — отвечаю хрипло, прочищая горло. — Просто... думала.

— О вчерашнем?

— О том, какой же он мразь, Ник. — Снова начинаю ходить по комнате, энергия ярости требует выхода. — Стоял там, в своём костюме за сотню тысяч, и рассказывал о том, как важно защищать детей. Глаза блестели от искренности. Аплодисменты гремели. А сегодня он, скорее всего, уже подписывает документы на поставку очередной партии "товара" в Европу.

— Кира...

— Знаешь, что самое омерзительное? — Не даю ей вставить слово, слишком накручена. — Что он сам в это верит.

Он искренне считает себя благотворителем. В его больной голове спасение одних детей оправдывает продажу других.

— Кир, остынь. Поэтому мы здесь. Поэтому наш папа послал именно тебя.

Наш папа. Геннадий Воронов никогда не был нам отцом в прямом смысле слова. Он не читал сказки на ночь, не учил кататься на велосипеде, не приходил на школьные концерты. Но он дал нам цель. Смысл. И научил превращать боль в оружие.

Большую часть своих заработков я перечисляю в детские дома. Анонимно. Не ради пиара и не ради налоговых льгот. Просто потому, что знаю: в этих серых стенах до сих пор есть девочки, которые стоят у окон и ждут чуда.

— Я понимаю, что это задевает тебя лично, — продолжает Ника мягче. — Но именно поэтому ты не можешь позволить эмоциям взять верх. Ковалёв не дурак. Один неосторожный жест, одно неправильное слово — и всё, миссия провалена.

Она права. Конечно, права. Но когда вчера этот ублюдок произносил свою речь о детской невинности, у меня едва хватило сил не вскочить с места и не вышибить ему зубы на глазах у публики.

— Теперь я понимаю, почему папа так хочет его остановить, — произношу тихо, останавливаясь у зеркала.

В отражении вижу женщину с растрёпанными волосами, красными от злости глазами и стиснутыми губами. Не очень презентабельный вид для элитной шпионки.

— Воронов знает, что делает, — соглашается Ника. — Он никогда не посылает тебя на случайные цели. У каждого задания есть своя причина, своя справедливость.

Справедливость. Да, пожалуй, это правильное слово. Сергей Ковалёв торгует детьми прикрываясь благотворительностью. И кто-то должен его остановить.

И этим кем-то буду я.

— Ладно, — выдыхаю, проводя ладонями по лицу. — Ты права. Нужно действовать стратегически, а не рубить с плеча.

— Вот и умница. А теперь иди в душ, приведи себя в порядок и сосредоточься на плане. У нас есть работа.

Глава 13

Алина

— Говори, что задумал папа.

— Изящнее, чем мы думали, — её голос звучит довольно. — Никакой работы официанткой или стриптизершей. Он устраивает тебя аналитиком в «Стратегические решения Интернэшнл». Помнишь эту консалтинговую контору?

Конечно, помню. Международная компания с безупречной репутацией, специализирующаяся на оценке инвестиционных рисков для крупного бизнеса.

— Они в том же бизнес-центре, что и «Ковалёв-Капитал»?

— В том же. Более того, — в её голосе слышится усмешка, — они только что подписали контракт на комплексный анализ европейских активов Ковалёва. Ты будешь курировать этот проект со стороны консалтинговой фирмы.

Останавливаюсь посреди коридора. План действительно элегантный. Никого не должно удивить, что молодой аналитик из престижной фирмы часто появляется в офисе клиента, запрашивает документы, задаёт вопросы и проводит совещания с топ-менеджментом.

— Легенда?

— Кира Орлова, двадцать пять лет, МГУ экономический, стажировка в Лондоне, специализация — оценка рисков раз-

вивающихся рынков. Отличные рекомендации, правда, из европейских офисов, которые трудно проверить.

— А если проверяют?

— Проверят и найдут именно то, что должны найти. Папа хорошо поработал над этой легендой.

Значит, охоту на Ковалёва планировали давно. Интересно, что стало спусковым крючком. Но сейчас не время для любопытства.

— Когда начинаю?

— В понедельник. Завтра суббота, у тебя есть выходные, чтобы изучить материалы и войти в роль. Документы, ноутбук и корпоративный телефон курьер доставит через час.

Включаю воду в душе, проверяя температуру. Горячие струи должны смыть остатки вчерашнего вечера и сегодняшние эмоции. Кире Орловой не место злости из-за детского дома номер семнадцать.

— Ты одобряешь план? — спрашиваю Нику, переключаясь на громкую связь и стягиваю футболку.

— А что тут не одобрять? Ты не первый раз работаешь под документами. И послужной список у тебя безупречный. Помнишь банкира из Швейцарии? Три месяца он был уверен, что встречается с дочерью владельца сети отелей.

— Помню. — Морщусь от воспоминаний.

— Вот видишь. А здесь даже проще. Тебе не нужно изображать влюблённость или играть роль наивной дурочки. Просто будь профессиональным аналитиком, который хоро-

шо делает свою работу, и войди в круг доверия.

Профессиональным аналитиком. Да, это намного легче, чем притворяться кем-то, кем я не являюсь. В конце концов, я действительно разбираюсь в экономике и финансах. Воронов дал мне отличное образование.

— Ник, — говорю, входя под струи горячей воды. — А что если он вычислит?

— Сергей Ковалёв? — Она фыркает. — Кир, ты слишком много о себе думаешь.

Это должно меня обрадовать, но почему-то чуть кольнуло самолюбие.

— Справлюсь, — говорю уверенно, намыливая волосы.

— Знаю, что справишься. У тебя это хорошо получается — быть тем, кого все недооценивают.

Выходные проходят в полном погружении в документацию и новую работу.

В понедельник утром стеклянное здание «Ковалёв-Капитал» встречает меня зеркальными отражениями московского неба. Сорок два этажа власти и денег, каждый квадратный метр которых стоит больше, чем большинство людей зарабатывает за год.

Мой образ сегодня безупречен: строгий серый костюм, блузка цвета слоновой кости, волосы собраны в низкий пучок. Классика делового стиля, ничего провокационного. Кира Орлова — молодой, но перспективный аналитик международной консалтинговой фирмы.

На ресепшн меня встречает девушка с идеальным маникюром и ледяной улыбкой. Её взгляд скользит по мне оценивающе, задерживается на сумке: не «Гермес», значит, не VIP. Сразу понижает меня в рейтинге важности.

— К кому?

— Громов Александр Петрович. У меня назначена встреча на девять утра.

Она нехотя тянется к телефону, но я уже достаю визитку.

— Кира Орлова, «Стратегические решения Интернэшнл». По поводу проекта европейских активов.

Магия названия известной фирмы срабатывает мгновенно. Спина выпрямляется, улыбка становится профессиональной.

— Конечно, минуточку.

Пока она говорит по внутреннему телефону, изучаю холл. Мрамор, хрусталь, приглушённый свет. Дорого и со вкусом, но без показухи. Серьёзные деньги не кричат о себе.

— Александр Петрович сейчас спустится.

Громов оказывается мужчиной лет пятидесяти с располневшей фигурой и внимательными глазами. Рукопожатие крепкое, но не демонстративно сильное.

— Кира Орлова? Проходите, проходите. Очень рады сотрудничеству с вашей компанией.

Поднимаемся на тридцать седьмой этаж. В лифте он изучает меня боковым зрением.

— Молоды для такого ответственного проекта.

— Зато свеж взгляд на проблемы, — отвечаю с лёгкой улыбкой. — К тому же, мой куратор лично рекомендовал меня Сергею Геннадьевичу.

Это неправда, но ложь звучит естественно. Громов кивает, явно проглотив наживку.

В его кабинете нас ждёт ещё один мужчина, который представляется заместителем. Высокий, худощавый, с прищуренными глазами.

— Итак, госпожа Орлова, — Громов усаживается за стол. — Расскажите о ваших планах.

— Стандартная процедура, — начинаю я уверенно. — Анализ финансовых потоков, оценка рыночных позиций, проверка соответствия европейскому законодательству. Мне потребуется доступ к документообороту и возможность проводить интервью с ключевыми сотрудниками.

— Естественно. — Громов обменивается взглядом с заместителем. — Хотя, должен предупредить, Сергей Геннадьевич очень занят. Его время расписано на месяцы вперёд.

— Я понимаю. Пока мне достаточно доступа к базе данных и возможности работать с вашими специалистами. Встреча с руководством является финальным этапом.

Заместитель наклоняется к Громову и что-то шепчет ему на ухо. Тот кивает.

— Хорошо. Елена проводит вас на рабочее место. У нас есть свободный кабинет в аналитическом отделе.

Елена оказывается рыжеволосой девушкой лет тридцати в

элегантном синем платье. Ведёт меня по коридору, объясняя корпоративные правила.

— Обед с двенадцати до часа, кофе-брейк можно взять в любое время. Интернет без ограничений, но вся переписка мониторится службой безопасности — стандартная процедура для внешних консультантов.

Мой кабинет небольшой, но светлый. Белые стены, стеклянный стол, эргономичное кресло. В углу холодильник и кофемашина, на стене плоский телевизор.

— Компьютер уже настроен на корпоративную сеть, — продолжает Елена. — Доступ к базам данных ограничен вашим проектом. Если потребуются дополнительные материалы, обращайтесь ко мне или Александру Петровичу.

— Спасибо. А задания я буду получать как?

— Через внутреннюю почту. Обычно к десяти утра приходит план на день.

Елена уходит, оставив меня наедине с безупречно чистым рабочим местом. Включаю компьютер, захожу в систему под своими учётными данными. Легенда сработала идеально, поскольку у меня есть доступ ко всем нужным ресурсам.

Час проходит в изучении финансовой отчётности. Цифры складываются в картину огромной, хорошо структурированной империи. Ковалёв действительно талантливый бизнесмен, что бы там ни говорил Воронов о его криминальной жизни.

В десять утра электронная почта по-прежнему пуста. В

одиннадцать — тоже. К полудню я начинаю понимать, что никаких заданий не будет. Эта работа служит всего лишь прикрытием для моего присутствия в здании.

В час дня телефон вибрирует. Сообщение от неизвестного номера:

«Персональный лифт — третий справа от центрального входа. Машина — чёрный «Бентли», номер X777XX199. Обед обычно с 14:00 до 15:30 в ресторане «Пьемонт». — Д.»

Денис. Значит, он уже на позиции.

Смотрю на часы. Тринадцать пятьдесят пять. Время встретиться с целью.

Глава 14

Алина

Поправляю помаду перед зеркалом в дамской комнате. Кира Орлова должна выглядеть безупречно. Особенно сейчас, когда каждая деталь может стать решающей.

Выхожу из кабинета к лифтам. В голове перебираю сценарии встречи. Случайное столкновение в холле. Обмен взглядами в лифте. Несколько фраз о работе и...

— Кира.

Голос останавливает меня посреди холла. Низкий баритон с металлическими нотками, от которого по спине разбегаются мурашки не от страха, а от чего-то куда более опасного.

Оборачиваюсь. Сергей Ковалёв стоит у стойки ресепшн, и даже на расстоянии его присутствие ощущается физически. Угольно-чёрный костюм облегает фигуру как вторая кожа, что говорит об индивидуальном пошиве. Широкие плечи, мощная грудь. Мужчина, привыкший доминировать в любом пространстве.

— Сергей, — киваю с профессиональной улыбкой. — Добрый день.

Он подходит ближе, и я различаю детали его лица. Тёмные глаза изучают меня с той пристальностью, с которой оценивают произведение искусства. Не раздевают взглядом, а изучают.

— Не ожидал встретить вас здесь.

В интонации нет удивления. Скорее проверка моей версии событий.

— Работаю в этом здании, — отвечаю спокойно. — Аналитик в «Стратегических решениях».

— Понятно. — Короткая пауза. Его взгляд не отрывается от моего лица. — Как европейские активы?

Проверяет, действительно ли я в курсе проекта. Неглупо.

— Изучаю документооборот. Предварительные выводы готовлю к концу недели.

— Хорошо. — Ещё шаг ближе, и я ловлю лёгкий аромат дорогого одеколона. Сдержанно, как всё в нём. — У вас есть планы на обед?

Вопрос звучит как утверждение. Тон не допускает возражений: он не спрашивает мнения, а ставит перед фактом.

Мозг лихорадочно просчитывает варианты. Согласиться слишком быстро кажется подозрительным. Отказать означает упустить шанс. Нужна золотая середина.

— Мне порекомендовали кафе рядом, — делаю вид, что размышляю. — Но если у вас деловое предложение...

— Есть. — Уголок рта дёргается в полуулыбке. — Хочу обсудить некоторые аспекты проекта.

Конечно, никакого делового предложения нет. Это игра, и мы оба понимаем правила.

— Тогда с удовольствием.

Он кивает и жестом указывает на выход.

— Моя машина ждёт.

Идём через холл рядом, и я замечаю реакцию окружающих. Охранники выпрямляются. Девушка с ресепшн задерживает дыхание, провожая взглядом. Сотрудники в костюмах расступаются неосознанно.

Власть. Настоящая, не нуждающаяся в демонстрации. Она просто есть, как закон притяжения.

У входа стоит чёрный «Бентли». Водитель, крепкий мужчина в тёмном костюме, открывает заднюю дверь.

— После вас, — в голосе Ковалёва слышится ирония.

Сажусь, стараясь не показать, как кожаные сиденья и запах дорогого салона воздействуют на чувства. Он садится рядом, и пространство кажется вдвое теснее.

— «Пьемонт», — коротко бросает водителю.

Машина трогается бесшумно. За тонированными стёклами остается шумная Москва, а здесь царит почти интимная тишина.

— Давно в консалтинге? — спрашивает Ковалёв, не поворачиваясь.

— Три года. До этого стажировка в Лондоне.

— Интересно. — Наконец смотрит на меня, и в глазах читается любопытство. — Что привело в эту сферу?

Опасный вопрос. Слишком личный. Но я готова.

— Нравится разбираться в сложных системах. Находить слабые места, которые другие не замечают.

— Полезный навык, — соглашается он. — Особенно в на-

ше время.

В интонации появляется нотка, которую не могу расшифровать. Предупреждение или простое одобрение?

Останавливаемся у ресторана. Ковалёв выходит первым и подаёт руку. Ладонь тёплая, с мозолями на костяшках. Со всем не руки кабинетного работника.

— Добро пожаловать в мой мир, Кира, — говорит тихо, и я понимаю: игра только началась.

«Пьемонт» встречает приглушённым светом и атмосферой дорогой интимности. Метрдотель материализуется рядом с Ковалёвым, кланяется с почтительностью, не требующей демонстрации.

— Обычный столик, Сергей Геннадьевич?

— Да.

Нас проводят через зал мимо столиков, где в полутьме переговариваются люди в костюмах стоимостью в несколько окладов обычного менеджера. Место силы. Здесь решаются вопросы, от которых зависят судьбы компаний.

Наш столик располагался в дальнем углу, откуда был виден весь ресторан, но нас самих почти невозможно было заметить. Стратегическая позиция. Ковалёв садится спиной к стене, лицом к залу. Профессиональная привычка человека, который контролирует ситуацию.

Официант появляется бесшумно.

— Что будете пить?

— Воду без газа, — отвечаю, игнорируя винную карту.

— Эспрессо, — коротко бросает Ковалёв. — И меню.

Оставшись наедине, он откидывается в кресле, изучая меня. Взгляд цепкий, оценивающий. Чувствую себя экспонатом в музее.

— Расскажите о себе, Кира.

Тон лёгкий, почти дружеский, но в глазах читается иное. Он проверяет меня, как покупатель товар.

— О себе? — Слегка наклоняю голову, показывая, что вопрос неожиданный. — В каком смысле?

— В любом. Откуда вы, чем живёте, увлечения помимо работы.

Классическое допрос-собеседование под видом светской беседы. Играю роль.

— Москвичка, но последние годы за границей. Работа требует переездов. — Делаю паузу, когда официант ставит воду. — Люблю читать, театры, когда есть время.

— Семья?

— Родители погибли, когда была подростком. — Правда звучит убедительнее лжи, даже чужая. — С тех пор полагаюсь только на себя.

Что-то мелькает в его глазах. Сочувствие?

— Понимаю, — говорит тихо. — Иногда обстоятельства заставляют взрослеть раньше времени.

В голосе звучит нотка личного опыта. Стоит запомнить.

Появляется официант с меню. Ковалёв даже не смотрит в карту.

— Телятина с трюфелями, салат с рукколой. Для дамы?

— Рыбу, — отвечаю, тоже не открывая меню. — На усмотрение шефа.

— Дорадо в соли, — кивает официант. — Превосходный выбор.

Оставшись вдвоём, Ковалёв наклоняется ближе. Расстояние сокращается до опасного минимума.

— Вы интересная женщина, Кира.

— Чем именно? — парирую, не отводя взгляда.

— Держитесь уверенно, но без высокомерия. Красивы, но не кокетничаете. — Голос становится тише, интимнее. — И при этом чувствую — что-то скрываете.

Сердце делает кульбит, но волнения не показываю.

— Каждый что-то скрывает. Разве не так?

— Безусловно. — Улыбается, и эта улыбка полностью меняет лицо. — Но любопытно, какие секреты хранит молодой аналитик международной компании.

— Возможно, когда-нибудь узнаете.

Фраза получается двусмысленной. Флирт балансирует на грани, но не переходит её.

Приносят еду. Ковалёв ест размеренно, с аристократическими манерами, но взгляд время от времени сканирует зал. Всегда настороже. Готов к неожиданностям.

— Расскажите о работе, — предлагаю. — Что больше всего увлекает в бизнесе?

— Процесс принятия решений, — отвечает после паузы.

— Момент выбора между безопасностью и возможностью. Между тем, что есть, и тем, что могло бы быть.

— И что обычно побеждает?

— Зависит от ставок. — Смотрит прямо в глаза. — Когда ставки действительно высоки, приходится рисковать всем.

В словах слышится больше философии бизнеса.

— А вы любите рисковать? — спрашивает, не дожидаясь ответа.

— Иногда. Когда цель того стоит.

— И какие цели стоят риска?

Вопрос повисает между нами, наполненный подтекстами. Игра выходит на новый уровень.

— Те, что меняют всю жизнь, — отвечаю честно.

Кивает, словно ожидал именно этого.

— Тогда у нас есть общее, Кира.

От того, как он произносит моё имя, кожа покрывается мурашками. Он словно пробует его на вкус.

На обратном пути в машине воцаряется тишина, нарушаемая только шепотом двигателя. Сергей откидывается на спинку, пальцы барабанил по коже обивки в размеренном ритме.

— Ну что? — Голос звучит с лёгкой насмешкой. — Каков вердикт?

— О чём? — Делаю непонимающий вид.

— О ресторане.

— Место впечатляет.

Он смеётся. Настоящий, глубокий смех, полностью меняющий лицо. Исчезают жёсткие линии, разглаживаются морщинки у глаз. На мгновение выглядит почти мальчишески.

— Значит, понравилось?

— Может быть, — признаю неохотно. — Кухня на высоте. Сервис безупречен. И вид...

— И вид, — соглашается. — Там, кстати, прекрасная летняя терраса. Если захотите вернуться в тёплую погоду.

Киваю. Нейтрально, но не отвергая возможность.

Машина плавно поворачивает на Садовое. За окнами мелькают знакомые здания, но внутри салона время словно замедлилось. Сергей смотрит со странной внимательностью, изучает, словно разгадывает головоломку.

— В пятницу вечером у меня освободится время, — говорит медленно, отчеканивая каждое слово. — Хочу пригласить в свой клуб. «Эгоист».

— Зачем? — Вопрос срывается раньше, чем успеваю обдумать.

— После того случая не хочу, чтобы сложилось неправильное впечатление о моём заведении. — Пауза. — О том, что представляю собой.

В голосе нет намёка на шутку. Серьёзность, граничащая с торжественностью. Словно приглашает не в клуб, а на важную церемонию.

— Пытаетесь повлиять на моё мнение? — Вопрос прозвучал тише, чем хотела.

Он не отвечает сразу. Глаза изучают лицо, скользя от линии лба до изгиба губ. Потом медленно кивает.

— Да.

Что-то в тоне заставляет понять: речь не только о клубе.

— В таком случае... — начинаю, но он перебивает:

— В восемь.

Опять властное утверждение вместо вопроса. Мужчина, привыкший получать желаемое без долгих уговоров.

— Хорошо, — говорю и вижу, как что-то вспыхивает в глазах.

— Отлично.

Оставшийся путь до офиса проводим в молчании. Но это уже другая тишина, насыщенная ожиданием и невысказанными обещаниями.

Когда «Бентли» останавливается у входа в бизнес-центр, Сергей выходит первым и открывает дверь. Жест старомодный, почти галантный.

— До пятницы, Кира, — произносит, и моё имя звучит в его устах как что-то личное, интимное.

— До пятницы.

В груди что-то сжимается, не от страха, а от предвкушения.

Глава 15

Сергей

Бутылка «Шато д'Икем» 1947 года стоит на столе, словно золотистый памятник времени. Сто тысяч долларов за бутылку вина, которое созревало семьдесят лет. Поднимаю бокал на свет, любуясь янтарным отливом, играющим в кристаллах резного стекла.

Виноград рождается сладким, полным наивной простоты. Но настоящим становится только после лет ферментации в темноте, в изоляции от внешнего мира. Сахар превращается в алкоголь, а фруктовая мякоть становится сложным букетом.

Дед объяснял это просто, держа в руках точно такую же бутылку в кабинете с дубовыми панелями, где пахло кожей и табаком: хочешь получить совершенство, не торопись. Он взял меня восьмилетним сопляком после похорон отца, человека, который позорно сливал средства картёжникам и шлюхам. Дед смотрел на меня тогда как на сырьё. Материал, который можно переплавить во что-то стоящее.

"Твой отец был виноградом, который сгнил на лозе," говорил он медленно, скрипя кожаным креслом. "Но из тебя я сделаю вино."

Двадцать лет ферментации под его жёстким контролем. Частные школы с военной дисциплиной, где каждая минута

была расписана. Летние лагеря, больше напоминавшие тренировочные базы. Уроки истории семьи, реальной истории, а не той сказки, что рассказывают в кулуарах. Как деды и прадеды строили империю на крови, поте и правильных решениях. Как власть переходит не по наследству, а завоёвывается каждый день заново.

Но самое важное — он учил меня контролировать себя, особенно свои эмоции и импульсы. "Эмоции — слабость. Слабость — смерть. Ты будешь чувствовать всё, но показывать — ничего." Холодный душ в шесть утра. Спарринги до потери сознания. Шахматы вместо мультфильмов. И постоянное напоминание: ты не имеешь права повторить ошибки отца.

Отпиваю глоток. Сладость граничит с горечью, создавая идеальный баланс для напитка, который видел войны, революции и смену эпох. Созревание лишило его первоначальной невинности, но подарило глубину, которой не было в начале.

Я тоже созревал долго. Слишком долго. Но результат стоил ожидания. Дед создал из меня то вино, которое хотел видеть. Крепкое. Выдержанное. С послевкусием, которое не забывается.

Проблема только в том, что вино может стать слишком крепким. И тогда оно перестаёт быть напитком и становится ядом.

— Сергей.

Поворачиваюсь. Руслан стоит в дверях кабинета, планшет в руке, лицо непроницаемо. Знаю этот взгляд: дела требуют внимания. Философское время закончилось.

— Что там?

— Привели того парня.

Ставлю бокал осторожно, словно прощаюсь. Кто-то осмелился проверить степень моей беспощадности. Сейчас получит развёрнутый ответ на языке, который понимают все.

— Веди.

Руслан исчезает, и через минуту дверь распахивается снова. Двое моих людей тащат худощавого мужчину лет тридцати. Артём, если верить документам. Трясётся как осиновый лист, глаза бегают по сторонам, руки дрожат мелкой дрожью.

— Посадить его.

Швыряют в кресло напротив. Артём сжимается, пытается стать меньше. Классическая поза жертвы характеризуется сгорбленными плечами, головой, втянутой в плечи, и руками, сложенными на коленях. Но что-то не так. Тело слишком подтянутое для дрожащего от страха человека.

Обхожу кресло медленно, изучая. Дешёвая куртка, потёртые джинсы, кроссовки из масс-маркета. Но под одеждой угадываются правильные пропорции. Развитые плечи, сильные предплечья. Мозоли на костяшках образовались не от физической работы, а от тренировок.

— Значит, Артём. — Произношу имя медленно, раскатывая каждый звук. — Хочешь объяснить, какого хрена ты

стрелял в мою машину позавчера вечером?

— Я... я не знал! — голос дрожит, но тембр неправильный. Слишком высокий для его габаритов. — Мне не сказали, кто цель! Я думал, просто припугнуть кого-то!

Первая ложь. И достаточно примитивная.

— Припугнуть. — Останавливаюсь перед креслом, упираюсь ладонями в подлокотники. — Автоматной очередью из "Калашникова".

— Мне дали оружие и адрес! Сказали — стреляй в машину, больше ничего!

Изучаю лицо с близкого расстояния. Пот настоящий, но глаза... в глазах что-то не то. Слишком осознанные для панического страха.

— Кто дал?

— Не знаю! — Артём трясёт головой энергично, но движение рассчитанное. — Прислали посылку с телефоном и инструкциями!

— Ты хочешь сказать, что некий неизвестный прислал тебе оружие почтой?

— Да! Ну... не почтой. Курьер принёс. Сказал — выполнишь задание, получишь остальные деньги.

Выпрямляюсь, делаю паузу. Классический приём дедовской школы: дай противнику расслабиться, пусть думает, что поверил.

— А остальные деньги где?

— Не... не получил ещё...

— Конечно. — Отхожу к бару, будто теряю интерес. — А телефон?

— Выбросил! После стрельбы выбросил, как велели!

— Куда?

— В... в мусорный бак! Возле метро!

Поворачиваюсь к Руслану. Тот стоит у окна, лицо невозмутимо, но едва заметно качает головой. Он тоже чувствует, что история дырявая, но детали могут оказаться правдой.

— Покажешь, где выбросил?

— Да! Конечно! Всё покажу!

Смотрю на него три секунды в полной тишине. Считаю. Один. Два. Три. Потом делаю шаг и наношу резкий прямой удар в переносицу.

Техника безупречна, дед научил бить так, чтобы сломать, но не убить сразу. Хруст раздаётся чёткий, будто ломается сухая ветка. Кровь брызгает веером на дорожную обивку кресла, и Артём заходится в вопле, хватаясь за лицо.

— Вот теперь поговорим по-человечески. — Вытираю кляксы белым платком, красные капли вьются в ткань. — У тебя есть выбор, Артём. Говоришь правду — умрёшь быстро. Продолжаешь врать — будем работать часами.

Он всхлипывает, кровь течёт между пальцев, но дыхание слишком ровное для человека со сломанным носом. Ещё одна несостыковка.

— Я... правду говорю...

— Нет. — Опускаюсь на корточки перед креслом, загля-

дываю в глаза. — Ты говоришь то, что кто-то велел говорить, если поймают. Заготовленную версию. Красивую и правдоподобную, но фальшивую.

— Нет!

Встаю и направляюсь к бару. В нижнем ящике лежит кожаный футляр размером с сигаретницу. Дед подарил его на пятнадцатилетие вместе с уроками правильного применения. Достаю плоскогубцы: инструмент некрасивый, но эффективный.

— Подождите! — голос Артёма поднимается на октаву. — Я действительно не знаю, кто заказчик!

— Но знаешь что-то ещё.

Поворачиваюсь с плоскогубцами в руке. Артём бледнеет, глядя на инструмент, но в глазах нет того ужаса, который должен быть.

— У меня есть семья...

— Где они?

— В Рязани... жена и дочка...

— Адрес.

— Зачем?!

— Чтобы убить их. — Говорю это спокойно, как сообщаю прогноз погоды. — Сначала дочку, потом жену. И потом тебя.

И тут происходит то, что я ждал.

Глава 16

Сергей

Что-то меняется в его лице. Страх остаётся, но появляется другое выражение. Более осознанное. Более... расчётливое. Мышцы напрягаются правильно: не от ужаса, а от готовности к действию.

— У меня нет семьи, — говорит вдруг совсем другим голосом.

Руслан выпрямляется у окна.

Артём смотрит на меня не как жертва на палача, а как профессионал на профессионала. В глазах появляется то, чего не было раньше: холодная, почти восхищённая усмешка.

— Маска слетела? — спрашиваю.

— Ты умнее, чем о тебе говорят, Ковалёв.

Голос изменился полностью. Исчезли дрожь и заискивание. Перед мной сидит другой человек. Настоящий.

— И что теперь?

— А теперь можешь делать со мной что угодно. — Пожимает плечами с почти беззаботной лёгкостью. — Всё равно ничего не узнаешь.

— Посмотрим.

Подхожу ближе, изучаю заново. Да, он притворялся, и мастерски. Под дрянной одеждой скрывалось натренированное тело бойца. Осанка выдаёт не просто военную, а спецназов-

скую подготовку. А самое важное — это взгляд. Пустой и холодный, как у профессионального убийцы.

— Кто ты?

— Ничего особенного.

— Работаешь на кого?

— На того, кто платит лучше остальных.

— И сколько он заплатил за мою голову?

Артём усмехается шире. Кровь стекает по подбородку, но он словно её не замечает.

— Не за голову. За сообщение.

— Какое сообщение?

— Что он идёт за тобой. И найдёт. Где бы ты ни спрятался.

В голосе появляются нотки садистского удовольствия. Он наслаждается этим моментом, когда может показать истинное лицо и посмотреть на реакцию.

— Кто "он"?

— Тот, кого ты боишься больше всего.

Пауза. В комнате слышно только тиканье часов.

— Тот, кто знает, как твой жалкий отец ползал на коленях перед кредиторами, — продолжает Артём, и голос становится почти ласковым. — Как он плакал, когда понял, что проиграл не только деньги, но и всё уважение. Как умолял дать ещё одну карту, ещё один шанс...

Сердце пропускает удар.

— Как он бил стёкла в чужих машинах, когда проигрывал в карты всё подряд. Как орал на продавщиц, когда ему отка-

зывали в кредите. Как твой жалкий отец бил стёкла в чужих машинах, когда проигрывал в карты всё подряд.

Перед глазами вспыхивает красная пелена.

Бросаюсь на него. Первый удар пришелся в челюсть от правого кулака с поворотом корпуса. Техничный, как учил дед. Артём пытается уклониться, но поздно. Кулак врезается в скулу со звуком, как когда ломают орех.

Но Артём не падает. Даже не теряет сознание.

Наоборот, подставляет лицо под следующий удар, глаза горят от восторга.

— Давай! — хрипит сквозь кровь. — Ещё!

Сердце колотится, как отбойный молоток. В висках пульсирует кровь, перекрывая звуки. В груди разгорается жар. Это не гнев, а что-то более глубокое, более примитивное. Страх восьмилетнего ребёнка, который узнал о том, что его отец неудачник.

Левый хук в рёбра. Правый апперкот в живот. Удары сыплются один за другим, руки работают автоматически, мышечная память берёт верх над разумом. Кровь брызгает на стены, на пол, на мой костюм.

— Он придёт за тобой! — кричит Артём, и каждое слово как удар ножом. — И разнесёт на куски! Как твоего папашу!

Хватаю его за воротник, поднимаю из кресла и швыряю на пол. Он падает тяжело, но сразу пытается встать. Профессиональная реакция: даже избитый, он сохраняет боевую готовность.

— Сергей! — голос Руслана словно доносится из другого мира. — Прекрати!

Не слышу. Наступаю Артёму на грудь ботинком, прижимаю к паркету. Вес тела переношу на ногу, костюмные туфли за пятьсот долларов оставляют отпечаток на его рубашке.

— Он... знает... всё... — хрипит Артём, но улыбается. Улыбается, хотя изо рта течёт кровь. — Про отца... про деда... про тебя...

Убираю ногу и опускаюсь на колени рядом. Руки сами тянутся к его горлу.

— Кто он? — спрашиваю тихо, потому что орать сил уже нет.

— Тот, кто сделает с тобой то же, что твой дед сделал с отцом. — Артём говорит еле слышно, но каждое слово чёткое. — Выбросит, как мусор.

Пальцы сжимаются на его горле.

Кожа тёплая, влажная от пота. Под ладонями чувствую пульс, быстрый и отчаянный. Сердце Артёма бьётся, как пойманной птицы.

— Кто послал тебя?

— Иди... нах... — не успевает договорить.

Давлю сильнее.

Первые секунды он ещё сопротивляется. Хрипит, пытается отодвинуть мои руки, бьёт ногами по полу. Горло под пальцами тёплое, живое, пульсирует. Адамово яблоко скачет вверх-вниз, как мячик.

Хватит, — говорит рассудок. *Получи информацию, а потом убей.*

Но я не останавливаюсь. Не могу остановиться.

Через тридцать секунд его сопротивление слабеет. Руки перестают цепляться за мои запястья, удары ногами становятся хаотичными. Глаза широко раскрыты, зрачки расширяются. В них появляется что-то новое: понимание. Он понимает, что умирает.

И страх. Наконец-то настоящий страх, не тот, что он изображал в начале.

Стоп.

Но пальцы не слушаются. Они живут своей жизнью, сжимаются сильнее. Хрящи трещат под давлением, как скорлупа под орехоколом.

Через минуту Артём перестает двигаться. Глаза стекленеют, фокус исчезает. Рот приоткрыт, язык едва высовывается наружу. Но я всё ещё сжимаю горло, чувствую каждый угасающий удар сердца через пульс на шее.

Последние конвульсии. Тело дёргается, как у курицы с отрубленной головой. Потом затихает.

Тишина.

Отпускаю. Артём падает на паркет с глухим стуком. Голова откидывается назад под неестественным углом.

Выпрямляюсь на колени, потом встаю. Вытираю руки платком. На костяшках смешались его кровь и моя. Сердце всё ещё колотится, но уже успокаивается.

— Сергей. — Голос Руслана доносится словно издалека.

— Сергей!

Поворачиваюсь. Руслан стоит посреди комнаты, лицо бледнее обычного. Смотрит то на меня, то на тело.

— Он мёртв, — констатирую спокойно.

— Уже десять минут как мёртв, — отвечает Руслан тихо.

— Ты не слышал, как я звал?

Не помню. После первых секунд удушения мир сузился до размера ладоней на чужом горле.

— Мог бы остановить меня.

— Пытался. — В голосе есть что-то, чего я не могу расшифровать. — Ты не реагировал.

Подхожу к бару, наливаю виски. Рука дрожит едва заметно от остатков адреналина.

— Что теперь с телом?

— Сначала скажи, что делать с ней... — И кивает в сторону двери.

Глава 17

Сергей

В этот момент я понимаю, что Кира видела всё.

Дверь приоткрылась бесшумно, как всегда. Охрана получила указание пропускать её без доклада. Но я был слишком поглощён удушением Артёма, чтобы заметить.

Она стояла на пороге, рука ещё лежит на ручке, и глаза... Глаза широко раскрыты, лицо белое, как мел. Она видит меня. Кровь на руках, на костюме. Мёртвое тело под моими коленями. Мои пальцы ещё помнят ощущение чужого горла.

Наши взгляды встречаются.

В её глазах нет непонимания или растерянности. Там ужас. Чистый, кристальный ужас человека, который увидел монстра без маски. Она смотрит на меня не как на мужчину, с которым провела ночь, не как на успешного бизнесмена из её мира. Она смотрит на меня как на убийцу.

Кем я и являюсь.

Пытаюсь встать, но движения получаются неуклюжие, как у пойманного хищника.

— Кира... — голос звучит хрипло.

Она качает головой. Медленно, как в замедленной съёмке. Отступает на шаг назад, не отрывая взгляда. В глазах появляется отвращение. К тому, что видит. Ко мне.

— Это не... — начинаю, но останавливаюсь.

Что скажу? Что это не то, что она думает? Что я не убийца? Смотрю на мёртвого Артёма, на кровь на собственных руках.

Именно убийца. И она это увидела.

— Позволь объяснить, — делаю шаг вперёд.

Она отступает ещё дальше, лицо искажается. Её рука нащупывает дверной косяк, держится за него, как за спасательный круг.

— Не подходи ко мне. — Голос тихий, но в нём сталь. — Не подходи.

И в этом тоне я слышу нечто окончательное. Не временную реакцию на шок, не недоразумение, которое можно исправить. Приговор.

Она разворачивается и исчезает за дверью. Слышу стук каблуков по коридору: быстрый, панический. Звук удаляется, растворяется в тишине клуба.

Стою и слушаю, как исчезает моё будущее.

Тридцать четыре года я живу двумя жизнями. В одной я успешный предприниматель, владелец сети клубов и ресторанов, человек, который ужинает с министрами и даёт интервью деловым изданиям. В другой я наследник криминальной империи, убийца, для которого мёртвое тело на полу так же привычно, как утренний кофе.

Может, я мог бы что-то сказать в своё оправдание, если бы это было первое убийство. Но Артём отнюдь не первый. И не последний. Мои руки помнят десятки чужих горл, темпера-

туру чужой крови, последний вздох тех, кто решил, что Сергей Ковалёв всего лишь богатый парень в дорогом костюме.

Дед был прав: слабость равносильна смерти. А доверие является роскошью, которую мы не можем себе позволить. Я выпустил Киру в мир, которого не должен был касаться ни один посторонний.

Страшнее всего не то, что она узнала правду. Страшнее то, что в её глазах я увидел не просто отвращение к убийству, а разочарование во мне. Как будто она надеялась, что я окажусь лучше, чем есть. Что под костюмом и манерами скрывается не монстр, а человек.

Но монстров не перевоспитывают. Их боятся, избегают или уничтожают. И Кира выбрала первые два варианта.

Как объяснить ей, что Артём не был невинной жертвой? Что он пришёл убить меня? Что это была самозащита, а не хладнокровное убийство?

Не получится. Потому что даже если это была самозащита, я наслаждался процессом. Чувствовал удовлетворение, когда жизнь покидала его глаза. И Кира это видела.

Впервые за много лет я боюсь не за жизнь, не за бизнес, не за империю. Боюсь потерять женщину, мнение которой стало важнее всего остального. И понимаю, что уже потерял.

— Остановить её? — спрашивает Руслан тихо.

— Нет.

Что скажу охране? Догнать, схватить, привезти назад? И что потом? Держать в заложниках? Убить свидетеля?

Руки сами сжимаются в кулаки при этой мысли. Нет. Не Киру. Кого угодно, но не её.

— Кто она? — повторяет Руслан.

— Женщина, с которой я ошибся.

— В каком смысле?

Смотрю на мёртвого Артёма, на кровь на собственных руках.

— Позволил себе поверить, что могу быть кем-то ещё.

Руслан молчит несколько секунд, переваривая ответ. Потом подходит ближе, и в его движениях читается знакомая осторожность, словно человек приближается к раненому зверю.

— Сергей, — голос мягче обычного, — ты понимаешь, что произошло?

— Что именно? — Наливаю виски и выпиваю залпом. Жжёт горло, но не заглушает привкус крови.

— Ты потерял контроль. Полностью. — Останавливается в метре, руки сложены за спиной. — Я кричал тебе минут пять, а ты словно оглох.

— Он упомянул отца.

— Я знаю. Слышал. — Пауза. — Но это не оправдание, и ты понимаешь это лучше меня.

Ставлю стакан на барную стойку слишком резко, он звякает о мрамор.

— Хочешь прочитать лекцию о самоконтроле?

— Хочу понять, когда ты в последний раз терял над собой

власть настолько, что не слышал ничего вокруг.

Поворачиваюсь к нему. В глазах Руслана нет осуждения, но есть беспокойство. Искреннее, братское беспокойство, которое раздражает больше любых упрёков.

— Никогда, — признаю неохотно.

— Вот именно. — Подходит к креслу, где ещё недавно сидел Артём. Кровь на обивке уже начинает темнеть. — А теперь представь, что подумает эта девушка. Кира, да?

— Не твоё дело.

— Моё. — В голосе появляется твёрдость. — Потому что если она решит рассказать кому-нибудь о том, что видела, это станет проблемой не только твоей, но и моей. И всех остальных.

Смотрю на него, и что-то холодное шевелится в груди. Руслан говорит о деле, но между строк читается другое. Он оценивает Киру как угрозу.

— Ты предлагаешь её убить?

— Я предлагаю подумать о последствиях. — Тон остается ровным, деловым. — Она знает твоё настоящее имя, знает, где найти. Видела, как ты собственными руками убиваешь человека. Даже если сейчас молчит от шока, это может измениться.

— Нет.

— Сергей...

— Я сказал — нет. — Голос получается тише, чем хотелось, но в нём достаточно стали. — Киру не трогать.

РРуслан изучает моё лицо, и в его взгляде появляется понимание.

— Она не просто женщина, с которой ты переспал, — констатирует медленно.

Не отвечаю. И это уже ответ.

— Чёрт, Сергей. — Проводит рукой по волосам. — Ты влюбился.

— Это не...

— Влюбился. — Повторяет с тем же тоном, каким врач ставит неприятный диагноз. — Впервые за все годы, что я тебя знаю.

Отворачиваюсь к окну. За стеклом ночная Москва мерцает огнями, равнодушная к моим проблемам.

— Что теперь делать будешь? — спрашивает Руслан тише.

— Не знаю.

— Можешь попробовать объяснить. Рассказать, кто такой Артём, зачем пришёл.

— Она видела, как я наслаждаюсь убийством. — Поворачиваюсь обратно. — Какие тут могут быть объяснения?

— Тогда отпусти.

— Что?

— Отпусти её. — Руслан говорит мягко, но каждое слово весит тонну. — Если действительно любишь — позволь уйти. И забыть всё это.

В груди что-то сжимается болезненно.

— А если она...

— Не расскажет. — Он качает головой. — Умная девушка. Понимает, что лучше молчать. И потом... — Взгляд становится почти сочувствующим. — Кому она расскажет? Кто поверит?

Он прав. История про то, как уважаемый бизнесмен убивает людей голыми руками, звучит как бред наркомана.

— Так что с телом? — возвращаюсь к практическим вопросам, потому что думать о будущем без Киры невыносимо.

— Найдём его адрес. Соберём всё — документы, компьютер, телефоны. И найдём тот одноразовый, который он выбросил.

Направляюсь к двери в ванную, потом останавливаюсь.

— И Руслан.

— Да?

— Найди всех его родственников. Всех. До седьмого колена.

— И?

— Убей.

Глава 18

Алина

Цифры на кухонных часах показывают 11:11. Детская примета заключается в том, чтобы загадать желание. Сiju с чашкой остывающего кофе, смотрю на пар, поднимающийся тонкими струйками. В завитках проступают знакомые очертания: угловатый подбородок, резкие скулы.

Тряхнула головой. Пар рассеивается, но образ не исчезает.

Вчерашняя картинка всплывает снова, как кадр из фильма, поставленного на повтор. Персидский ковер, дорогие туфли, разлетающиеся брызги. И эти глаза не отводили взгляда ни на секунду, даже когда жертва хрипела в последний раз. Смотрел прямо в лицо смерти, как художник изучает холст.

Странно. Меня ужаснуло не само убийство, ведь за годы работы я видела достаточно крови. Ужаснул этот взгляд. Холодный, почти любопытный интерес к угасающей жизни.

Отпиваю глоток. Напиток горчит и остыл.

Встаю, выливаю в раковину. Включаю кофемашину снова. Механические движения успокаивают: засыпать зерна, нажать кнопку, ждать. Привычная рутина после непривычного стресса.

Тот вздох я издала специально. Громко, отчетливо, чтобы

он понял: здесь кто-то есть. Дать ему время среагировать, пока я исчезну. Профессиональная привычка: оказавшись не в том месте не в то время, всегда оставляй выход.

Но зачем он смотрел в глаза? Большинство убийц отворачиваются в последний момент. Инстинкт. А этот...

Новая порция готова. Вкус терпкий, правильный. Наливаю в чистую чашку.

До встречи с Юлей пять часов. Достаточно времени, чтобы прокрутить ситуацию еще раз, найти зацепки, которые пропустила. И собраться с мыслями.

Юлю не пропущу. Обещала встретиться, значит, встречусь.

Она засыпала меня фотографиями со свадьбы в Крыму. Белое платье на фоне моря, букет из пионов, счастливое лицо рядом с мужем. Каждая картинка причиняет боль. Я должна была быть там. Держать фату, произносить тост, плакать от счастья вместе с лучшей подругой.

Вместо этого сидела в засаде частного клуба, отслеживая передвижения цели.

Набираю сообщение: «Прости, что пропустила. Отец в больнице, критическое состояние». Стираю. Пишу снова: «Работа навалилась, очень важный проект». Снова стираю.

В итоге отправляю: «Прости. Объясню при встрече».

Ложь липнет к языку, аж тошно. За годы отработала десятки версий: больной отец, которого бросила мать. Дорогое лечение, постоянные больницы, невозможность плани-

ровать. Юля искренне сочувствует, присылает ссылки на народные методы и статьи о новых препаратах.

А если бы она знала правду?

Если бы знала, что мой «отец» здоров как бык и руководит теневой структурой. Что я не работаю переводчиком в международной компании, а отслеживаю преступников. Что вместо деловых встреч провожу ночи в засадах, а вместо корпоративов — на стрельбищах.

Отец настоял на «нормальной» социализации. Университет, однокурсники, подруги. «Ты должна уметь быть обычной девушкой, — говорил он. — Это часть легенды». Специально выбрал вуз подальше от дома, чтобы никто не знал о наших связях.

Первый курс давался тяжело. Привыкала к тому, что можно расслабиться, говорить правду о мелочах, смеяться просто так. Юля стала первой, кто пробил мою броню. Искренняя, открытая, готовая поделиться последним. Мы сдружились быстро: она тянулась к моей «загадочности», а я к ее простоте.

Но чем ближе становились, тем сложнее становилось лгать.

Каждая пропущенная встреча требовала объяснений, поэтому я придумывала оправдания для каждой из них. Каждый синяк требовал новой истории о неуклюжести. Каждый внезапный отъезд требовал очередной выдумки о больнице.

Телефон вибрирует. Юля: «Ты в порядке? Твоя работа

съедает тебя живьем».

Усмехаюсь горько. А если бы она знала, насколько буквально.

Встаю, хожу по квартире. Взгляд цепляется за рамку с нашей общей фотографией. Выпускной, мы стоим в обнимку и смеемся. У меня такое счастливое лицо. Искреннее. Когда я успела забыть, как это — быть собой?

Отец объяснял важность работы просто: «Каждый преступник, которого мы не поймает сегодня, завтра может убить чью-то дочь, мать, сестру. Мы защищаем невинных». Его слова звучали как клятва.

И я верила. Верю до сих пор.

Но иногда, в моменты вроде этого, хочется быть эгоистичной. Просто девчонкой, которая идет на свадьбу лучшей подруги, а не профессионалом, который жертвует личным ради общественного блага.

Ноутбук ждет на столе уже полчаса. Экран потемнел, перешел в режим ожидания. Но я все не решаюсь его открыть.

Знаю, что там меня ждет. Сообщения от отца, каждое следующее короче и жестче предыдущего. И видеозвонок от Ники, который я пропустила сорок минут назад.

Нажимаю клавишу. Экран оживает, заливая лицо синеватым светом.

Семнадцать новых сообщений в мессенджере. Четыре пропущенных вызова.

Открываю чат с отцом. Последнее сообщение: "Жду от-

чет. Немедленно."

Пальцы висают над клавиатурой. Что я могу рассказать? Что вчера увидела, как Сергей Ковалев собственноручно расправился с противником? Что он заметил меня и теперь я стала свидетелем?

Что мои нервы на пределе, и я готова сбежать из города прямо сейчас?

Набираю: "Контакт установлен. Работаю над сближением."

Стираю. Слишком оптимистично.

Набираю: "Стала свидетелем преступления. Меняю тактику."

Отправляю и захлопываю ноутбук, словно это поможет спрятаться от надвигающейся бури.

Глава 19

Алина

Мой телефон трещит от входящего звонка через пять минут после отправки сообщения. На экране высвечивается "Ника".

Принимаю вызов.

— Кира, что за херня происходит? Ты почему не отвечаешь?! — Голос подруги звучит встревоженно даже через помехи. — Наш папочка уже третий раз за час звонит мне.

— Привет и тебе, Ник. — Откидываюсь на спинку стула. — Ситуация усложнилась.

— Насколько?

— Стала свидетелем убийства. И он заметил меня.

Молчание длится три секунды. В мире Ники это вечность.

— Ясно. Варианты?

Вот за что я люблю ее. Никаких истерик, никаких "как так вышло". Сразу к делу.

— Либо исчезаю прямо сейчас, либо играю перепуганную девчонку, которая случайно оказалась не в том месте.

— А Воронов что говорит?

— Пока ничего. — Массирую виски, где начинает пульсировать знакомая боль.

— Хм. — Слышу, как она щелкает костяшками пальцев. Привычка, когда думает. — А что думаешь ты?

— Сергей Ковалев не из тех, с кем играют в кошки-мышки. Видела, как он работает. Это не бандит-самодур, которого можно обвести вокруг пальца. — Слова вырываются резко, чем планировала.

— Опиши.

Закрываю глаза. Персидский ковер, дорогие туфли, разлетающиеся брызги. И этот взгляд.

— Профессионал. Хладнокровный, точный. Убил человека, как будто раздавил муху. Без эмоций и без колебаний.

— Понятно. Значит, тактика "наивной дурочки" не прокатит.

— Именно. — Встаю, начинаю ходить по комнате. — Если он захочет меня найти, то найдет. Если захочет убрать, то сделает это и глазом не моргнёт. Единственный шанс — показать, что я не угроза.

— Как?

— Вести себя как обычная девушка, которая случайно попала в переделку. Перепуганная, готовая молчать за любую цену. Такие люди предпочитают не размножать трупы без необходимости.

Ника хмыкает.

— А если он предпочтет перестраховаться?

— Тогда мне конец. — Останавливаюсь у окна. На улице обычный московский день: спешащие люди, пробки, солнце пробивается сквозь смог. — Но другого выхода не вижу.

— Хорошо. Документы на выход готовы?

— Всегда. — У меня три комплекта: российский паспорт на имя Киры Вороновой, загранпаспорт и водительские права. Еще два комплекта лежат в сейфе на случай экстренной эвакуации. — Но бежать сейчас значит подтвердить, что я не случайный свидетель.

— Логично. — Пауза. — Слушай, а что за груз он ждет? И вот оно. Главный вопрос, который не дает покоя отцу.

— Не знаю. Но судя по уровню секретности, что-то серьезное.

— Воронов требует подробности?

— Постоянно. Считает, что это ключ ко всей операции.

— Возможно, он прав.

Поворачиваюсь от окна.

— Ты тоже думаешь, что я должна рискнуть?

— Я думаю, что ты должна выжить. — Голос Ники становится жестче. — А Воронов пусть сам лезет к Ковалеву, если ему так важно узнать про груз.

Смеюсь коротко, без веселья.

— Попробуй это ему сказать.

— А я и скажу, если понадобится. — В голосе подруги звучит сталь. — Кир, ты мне нужна живой. Остальное подождет.

Тепло разливается в груди. За все годы нашей "семейной" жизни Ника стала единственным человеком, который ставит мою жизнь выше миссии. Даже отец считает меня прежде всего инструментом.

— Спасибо. — Голос звучит чуть хрипло.

— Не за что. Так что делаем?

— Действуем по плану "испуганная свидетельница". Прячу голову в песок, а если Ковалев объявится — прикидываюсь готовой молчать.

— А если не объявится?

— Значит, либо он не считает меня угрозой, либо готовит что-то серьезное.

— Договорились. Связь держу постоянно. При первых признаках опасности ты сразу же дашь сигнал, и я организую эвакуацию.

— Поняла.

Собираюсь закончить разговор, но Ника останавливает:

— Кир, еще одно. Если почувствуешь, что влипла по-настоящему — не геройствуй. Ковалев не стоит твоей жизни.

— Отец так не считает.

— А мне плевать, что считает отец. — Интонация не оставляет сомнений в серьезности слов. — Обещай мне.

Пауза затягивается. Ника ждет ответа, а я борюсь с привычными установками. "Миссия прежде всего", "каждый преступник на свободе — угроза невинным людям", "твоя жизнь — инструмент для защиты других".

— Обещаю. — Слова даются тяжело.

— Вот и хорошо. Держи меня в курсе.

Связь прерывается.

Ложусь на диван, закрываю глаза. В голове проигрывает-

ся один и тот же сценарий: я случайно увидела убийство, испугалась, но готова молчать. Он угрожает. Я соглашаюсь на любые условия, лишь бы он поверил в мою безобидность.

Главное — не переиграть. Слишком испуганная выглядит подозрительно, слишком храбрая — опасно.

Телефон пищит. SMS: "Жду нашей встречи в семь вечера. Соскучилась! Юля."

Взгляд на часы. Пять вечера.

Встаю, иду в ванную. В зеркале отражается усталое лицо с темными кругами под глазами. За ночь постарела на год.

Включаю душ. Горячая вода смывает напряжение, но мысли продолжают крутиться. Через два часа встречаюсь с лучшей подругой. Придется снова врать, изображать обычную девушку с обычными проблемами.

А скоро, возможно, встречу с человеком, который вчера убил на моих глазах.

Закрываю кран и заворачиваюсь в полотенце.

Времени на сомнения нет. Есть только план и надежда, что я достаточно хороша в актерской игре, чтобы остаться в живых.

Глава 20

Алина

Ресторан «Барон» расположен в самом центре, в переулке рядом с Тверской. Место дорогое, но не вызывающее, именно то, что нужно для встречи двух подруг, одна из которых работает в престижной IT-компании.

Юля уже сидит за столиком у окна, машет рукой и сияет улыбкой. Загорелая, отдохнувшая, с новой стрижкой, она явно провела медовый месяц с пользой для себя.

— Кирочка! — Она вскакивает, обнимает меня так крепко, что хрустят ребра. — Господи, как я скучала!

— И я по тебе тосковала. — Это не ложь. Обнимаю ее в ответ, вдыхаю знакомый парфюм. На секунду чувствую себя обычной двадцатипятилетней девушкой, которая встречается с подругой после ее свадьбы.

— Ты похудела. — Юля отстраняется, изучает мое лицо. — И выглядишь усталой. Работа совсем заела?

— Немного. — Присаживаюсь напротив. — Отец заболел. Приходится чаще к нему ездить, ухаживать.

Ложь слетает с губ легко, как дыхание. Десять лет тренировок.

Достаю из сумки коробочку в золотистой упаковке.

— Но давай не будем о грустном. Это тебе.

Юля разворачивает подарок и ахает. Внутри лежали серье-

ги с небольшими бриллиантами, изящные, дорогие, но не кричащие.

— Кира, они потрясающие! Но зачем ты потратила столько денег?

— Ты выходишь замуж раз в жизни. Надеюсь. — Улыбаюсь, и улыбка получается почти натуральной.

— Спасибо, солнце. — Она надевает серьги прямо за столом, вертит головой перед зеркальцем из косметички. — Как смотрятся?

— Идеально.

Официант подходит принять заказ. Юля выбирает салат с креветками и белое вино, я беру рыбу на гриле и тоже вино. Желудок сжимается от голода, поскольку сегодня толком ничего не ела.

— Ну рассказывай! Как медовый месяц?

— Кир, это великолепно! — Она откидывается на спинку стула, мечтательно вздыхает. — Мы провели неделю в Крыму, в отеле прямо на берегу. Просыпались под шум волн, завтракали на террасе...

Я слушаю, покачиваю головой в знак согласия, задаю правильные вопросы. Но когда Юля описывает белый песок и бирюзовую воду, перед глазами всплывает совсем другая картинка.

Персидский ковер. Кровь, растекающаяся темным пятном. Сергей Ковалев, стоящий над телом с окровавленными руками.

— ...а потом мы поехали в винодельню, и там закат поразил красотой! — Голос подруги звучит как в тумане.

Юля говорит о белом песке, а я вижу кровь на персидском ковре. Как я могу сидеть здесь и улыбаться?

— Кира? — Юля машет рукой перед моим лицом. — Ты куда пропала?

— Извини, задумалась об отце. — Встряхиваю головой, возвращаясь в настоящее. — Продолжай, пожалуйста.

Самоненависть жжет горло, как плохой алкоголь. Вру лучшей подруге, использую ее чувства для прикрытия. Но выбора нет.

— Понимаю. — Юля накрывает мою руку своей. — Но сейчас ты со мной, так что давай развеемся. Где я остановилась? А, да! Винодельня...

Официант приносит вино. Первый глоток холодного «Шардоне» помогает сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас. На смехе подруги, на ее счастливом лице, на том, как она жестикулирует, рассказывая очередную забавную историю.

— ...а представляешь, он забыл ключ от номера, и нам пришлось ждать администратора полтора часа! — Юля хочет. — Мы так и просидели в холле, я в одном халате!

Смеюсь вместе с ней. И это не притворство: ее радость заразительна, я чувствую, как напряжение постепенно отступает.

— А что у тебя? — Юля делает глоток вина, смотрит на

меня выжидательно. — Личная жизнь как? Все еще одиночка?

Вопрос заставляет сердце пропустить удар.

— Не совсем. — Слова вылетают раньше, чем успеваю их обдумать. — Познакомилась с одним человеком недавно.

— О! — Юля выпрямляется, как охотничья собака, учувшая дичь. — Рассказывай немедленно!

Мозг лихорадочно работает, выстраивая правдоподобную легенду.

— Его зовут... Алексей. Работает в банке. Встретились в спортзале. — Детали рождаются сами собой. — Пока только два свидания прошли, но он... привлекательный.

— Как выглядит?

— Высокий, темноволосый. Спортивного телосложения. — Почему-то описываю Ковалева. Быстро корректирую: — Очень воспитанный, интеллигентный.

— А поцеловались уже?

— Юль! — Изображаю смущение, хотя щеки краснеют по-настоящему.

— Ну что? Нормальный вопрос! — Она смеется. — Судя по румянцу, поцеловались. И не только.

— Не только в первый раз нельзя. Я приличная девочка. — Отпиваю еще вина, пытаюсь унять жар на щеках.

— Ага, конечно. — Юля скептически хмыкает. — А фото есть?

— Пока не делали совместных. — Хватаю первое попав-

шееся объяснение. — Он не любит фотографироваться.

— М-м, подозрительно. — Но тон у нее шутливый. — Ладно, прощу на этот раз. Когда следующее свидание?

— Не знаю. — И это уже правда. — Он сейчас много работает.

— Не тяни резину. Хороших мужиков быстро разбирают. Официант приносит заказ. Креветки выглядят аппетитно, рыба пахнет травами и лимоном. Желудок урчит от голода.

— За дружбу! — Юля поднимает бокал.

— За твоё счастье. — Чокаемся.

Следующие полчаса проходят в приятной болтовне. Юля рассказывает о планах на квартиру: они с мужем хотят делать ремонт, показывает фотографии с телефона. Я делюсь выдуманными подробностями работы.

Вино делает свое дело. Мышцы расслабляются, в голове появляется приятная легкость. Когда Юля заказывает вторую бутылку, я не возражаю.

— А помнишь, как мы в универе пытались приготовить борщ в общежитии? — Юля давится от смеха. — И чуть не устроили пожар!

— Ещё бы! Ты же решила его в микроволновке готовить. — Смеюсь так, что болят мышцы живота. — А потом мы две недели проветривали комнату.

— Зато теперь я умею готовить! — Она гордо выпрямляется. — Андрей в восторге от моих котлет.

— Ой, не верю. Ты же яичницу пережигала.

— Такой глупой я была раньше. Теперь я изменилась. —
Юля подмигивает. — Любовь вдохновляет.

Мы перескакиваем с темы на тему, как делали в студенческие годы. Обсуждаем новый сериал, который она смотрела в отпуске, планы на новогодние праздники, общих знакомых. Обычная девичья болтовня, которой мне так не хватает.

К концу третьего бокала я чувствую себя легче, чем за последние месяцы. Сердце наполняется теплом от общения с искренне счастливой подругой. Забываются кровавые ковры и холодные глаза убийц.

Вот что значит нормальная жизнь. Вот чего я лишена.

— А вот это могу показать только тебе. — Юля протягивает телефон с фотографией, на которой она в бикини обнимается с каким-то загорелым красавцем. — Это Дима, он работал аниматором в отеле. Ничего серьезного, но Андрюша ревнивый.

— Юль, ты неисправима. — Качаю головой, но улыбаюсь.

— А что такого? Посмотрела на красивого мужчину. — Она убирает телефон. — Кстати, а твой Алексей ревнивый?

— Не знаю. — Пожимаю плечами. — Рано еще об этом говорить.

— Все мужчины ревнивые. Вопрос только в степени. — Юля становится философом под действием алкоголя. — Главное, чтобы не собственник какой-нибудь. Такие потом всю жизнь контролируют.

Слова задевают за живое. В моей жизни все контролирует

отец. Может, поэтому я и не умею строить нормальные отношения.

— Ты права. — Отпиваю вина, пытаюсь заглушить неприятные мысли.

— Конечно, права. — Юля самодовольно покачивает головой. — А теперь расскажи, как он целуется.

— Юля!

— Что «Юля»? Я замужняя женщина, имею право интересоваться подробностями. — Она наклоняется через стол. — Ну же!

— Хорошо целуется. — Щеки снова полыхают.

— «Хорошо» — это не ответ. Как именно?

— Нежно. — Выдумываю на ходу. — И... страстно одновременно.

— О, понятно. — Юля откидывается на спинку стула с видом эксперта. — Значит, опытный.

— Возможно.

— А ты не боишься, что он бабник?

— Пока не думала об этом. — И это правда. О выдуманном Алексее думать не о чем.

— А зря. Такие обычно не женятся. — Юля назидательно машет пальцем. — Им зачем корова, если молоко бесплатно дают?

Фраза звучит забавно в ее исполнении. Хихикаю.

— Ты философ, Юль.

— Я мудрая замужняя женщина. — Она гордо поднимает

подбородок. — Слушай меня и будешь счастлива.

Мы болтаем еще полчаса. Рассказываем старые анекдоты, вспоминаем студенческие годы, строим планы на лето. У меня болит живот от еды и смеха, но я по-настоящему счастлива.

Когда Юля смотрит на часы, я понимаю, что мирная передышка подходит к концу.

— Черт, уже почти десять! — Она спохватывается. — Андриуша ждет. Мы собирались фильм посмотреть.

— Конечно, иди. — Отвечаю согласием, хотя внутри что-то сжимается от предстоящего одиночества.

— А ты?

— Еще посижу немного. Допью последний бокал.

Юля встает, достает кошелек.

— Не смей. — Останавливаю ее жестом. — Мой подарок молодоженам.

— Спасибо, солнышко. — Она обнимает меня крепко-крепко. — И не пропадай, хорошо? Держи меня в курсе по вопросу Алексея.

— Хорошо. — Обнимаю ее в ответ, чувствую, как щиплет глаза.

— И не сиди слишком долго одна. — Юля шепчет на ухо. — Таким красивым девушкам, как ты, в ресторанах опасно засиживаться.

— Буду осторожна.

Она машет рукой и исчезает за дверью. Я остаюсь одна с

недопитым бокалом и осознанием того, что беззаботное время закончилось.

Официант подходит узнать, не нужно ли что-нибудь еще. Качаю головой. Достаю телефон и вижу: никаких пропущенных звонков, никаких сообщений.

Может, все обойдется. Может, Сергей действительно не считает меня угрозой.

Или может, он просто еще не решил, как меня убрать.

Допиваю вино и готовлюсь вернуться в мир секретов, опасностей и двойной жизни. А сейчас, в этом тихом ресторане, я позволяю себе еще несколько минут просто побыть Кирой Орловой, обычной девушкой, которая встречается с подругами и выдумывает романы с несуществующими банкирами.

Завтра снова стану шпионкой. А пока что просто сижу у окна и смотрю на ночную Москву.

Глава 21

Сергей

Прошло три дня с тех пор, как Кира исчезла из моей жизни так же внезапно, как в неё ворвалась. Трое суток, которые тянулись как годы пыток.

Сажу в кресле за массивным дубовым столом, смотрю на троих мужчин перед собой. Алекс — светловолосый бугай с лицом профессионального боксёра, возглавляет группу поиска. Рядом с ним двое его подчинённых: Витёк и Миша, оба одинаково неприметные, одинаково надёжные, одинаково бесполезные.

Молчание затягивается. В нём слышно только тиканье антикварных часов на каминной полке и шелест перелистываемых страниц папки с отчётами. Алекс нервно тербит угол документа, оставляя влажные пятна от пота.

— Итак? — произношу наконец.

— Пока ничего конкретного, Сергей Геннадьевич. — Алекс откашливается, пытаясь придать голосу уверенность. — Мы проверили все адреса, которые смогли найти. Соседи, коллеги по работе...

— Три дня, — перебиваю тихо. — Три дня на поиск одной женщины в городе, где у нас глаза и уши на каждом углу.

— Она очень осторожна. Словно знает, что её ищут.

Конечно, знает. После того, что видела в моём кабинете,

она понимает... встретиться со мной второй раз может стать последним, что она сделает в жизни. Умная девочка.

— Адрес, где она живёт?

— Съёмная квартира. Пустая. Хозяина не найти.

— Работа?

Витёк подаётся вперёд, достаёт блокнот.

— По словам начальства, заболела три дня назад. Больничный не приносила, на связь не выходит.

Идеальное алиби. Заболела ровно в тот момент, когда увидела мёртвого Артёма. Совпадение почище чуда.

— Родственники?

— Не найдены. В анкете при приёме на работу указала, что из Владивостока, родители умерли. Подруг близких тоже нет, коллеги говорят — девушка была приятная, но держалась особняком.

Встаю из-за стола, подхожу к окну. За стеклом вечерняя Москва переливается огнями, как россыпь драгоценных камней на чёрном бархате. В отражении вижу троих мужчин, которые сидят, не смея пошевелиться.

Поворачиваюсь к ним резко. Алекс вздрагивает, словно получил удар.

— За три дня вы не смогли найти обычную девушку без связей, без денег, без опыта работы с преследователями. — Голос остаётся спокойным, но в словах слышится лёд. — Одну. Чёртову. Девушку.

— Сергей Геннадьевич, мы...

— Объясните мне, — продолжаю, не повышая тона, — как так получилось, что женщина, которая работает в одном с нами здании, сумела раствориться в воздухе лучше профессионального шпиона?

Тишина. Они смотрят в пол, на стены, куда угодно, только не на меня. Витёк нервно сглатывает, Миша крутит в руках папку с отчётами.

— У неё нет опыта! — взрываю наконец, и голос эхом отражается от стен кабинета. — Нет связей! Она обычная девушка, которая испугалась и побежала!

Алекс пытается что-то сказать, но я обрываю его жестом.

— А вы — троё взрослых мужчин с двадцатилетним опытом розыска людей, с контактами во всех службах, с неограниченным финансированием — не можете найти перепуганную блондинку!

Подхожу к Алексу вплотную. Он поднимает глаза, и в них читаю смесь страха и обиды. Страха больше.

— Может, я зря плачу вам зарплату? — спрашиваю тихо. — Может, найти людей подешевле, но эффективнее?

— Мы найдём её, — Алекс сглатывает, голос хрипловатый. — Дайте ещё немного времени.

— Сколько времени? Неделю? Месяц? — Отхожу на шаг, скрещиваю руки на груди. — Пока она доберётся до Владивостока или Новосибирска? Пока устроится там на новую работу под чужим именем?

— Несколько дней. Максимум неделя.

— У вас есть сутки. — Возвращаюсь за стол, опускаюсь в кресло. — Двадцать четыре часа, чтобы принести мне информацию о том, где сейчас Кира Орлова.

Они переглядываются быстро, и в этом взгляде читаю понимание: задача может оказаться невыполнимой.

— А если не найдём? — осмеливается спросить Витёк.

Смотрю на него долго, молча. В кабинете слышно только тиканье часов и едва различимые звуки ночного города за окном.

— Тогда не возвращайтесь вообще.

Слова повисают в воздухе как дамоклов меч. Троица моментально преображается: спины выпрямляются, лица становятся собранными. Они понимают, что это не угроза увольнения. Это угроза совсем другого рода.

— Всё ясно, Сергей Геннадьевич, — Алекс встаёт первым. — Найдём.

— Я не просто хочу её найти, — добавляю, когда они направляются к двери. — Хочу знать каждый её шаг за последние три дня. Где была, с кем говорила, что покупала, куда звонила.

— Поняли.

— И ещё, — останавливаю их у самого порога. — Когда найдёте — не приближаться. Только доложить местонахождение. Лично мне.

Дверь закрывается за ними с мягким щелчком. Остаюсь один в просторном кабинете, где пахнет дорогим кожей, та-

баком и едва уловимыми остатками вчерашнего виски.

Три дня без сна. Три дня, когда каждый звонок телефона заставляет сердце пропускать удар в надежде, что это новости о Кире. Три дня размышлений о том, что именно она думает обо мне сейчас.

Подхожу к бару, наливаю «Макаллан» тридцатилетней выдержки. Янтарная жидкость переливается в хрустальном стакане, ловит отблески света от настольной лампы. Пятьдесят тысяч за бутылку, а на вкус как горькое разочарование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.